

Проф. А. И. ДЕНИСОВ

КРИТИКА НЕКОТОРЫХ БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

I

В наше время бросается в глаза повышенный интерес к социальным проблемам, к трактовке их учеными-философами, экономистами, историками, государствоведами, правоведами, публицистами. Зарубежный книжный рынок, особенно англо-американский, заполняется трудами, посвященными обществу, государству, праву, нравственности и предлагающими читателям свою точку зрения в тех или других вопросах. Как правильно отметил Г. Ф. Александров в докладе, прочитанном на сессии Академии наук СССР 4 июля 1946 г., «Обилие литературы по социальным вопросам убедительно подтверждает наличие одной важной особенности в развитии социологической науки: чем более острые периоды переживает общество, государство, чем более велики и остры в обществе внутренние противоречия, внешние кризисы и конфликты, тем более остра борьба и страстные споры разгораются во всех отраслях социальной науки. Именно такой период переживает ныне буржуазная социология. Налицо широкие попытки буржуазных социологов уразуметь происходящее и поставить социологию на службу политике своих правительств»¹.

Буржуазная идеология не хочет без боя оставлять своих позиций. А позиции эти завоевывались ею на протяжении ряда столетий — вначале в борьбе с феодальной идеологией, а позднее — с идеологией пролетарской. Теперь она противостоит во всеоружии пролетарской (социалистической) идеологии, уже одержавшей в нашей стране блистательную победу. Еще в 1905 г. товарищ Сталин в брошюре «Коротко о партийных разногласиях» писал:

«В наше время могут существовать только две идеологии: буржуазная и социалистическая. Различие между ними состоит, между прочим, и в том, что первая, т. е. буржуазная идеология, гораздо

¹Г. Александров, О современных буржуазных теориях общественного развития, журн. «Большевик» № 11—12 за 1946 г., стр. 11.

Марксистская философия уже давно теоретически доказала, что нет «вечных принципов» общественных и государственных порядков, «вечных идей» частной собственности помещикам, рабочих классов, «вечных идей» подчинения крестьян помещикам, рабочих капиталистам. Она доказала, что «...капиталистический строй можно заменить социалистическим строем, так же, как капиталистический строй заменил в свое время феодальный строй»¹. Рабочий класс своей революционной практикой продемонстрировал правильность своей революционной теории. Рабочий класс нашей страны в союзе с трудящимися массами крестьянства под руководством большевистской партии, во главе с величайшими продолжателями марксизма — Лениным и Сталиным — свергнул власть капиталистов и помещиков, ликвидировал капиталистический общественный, государственный и правовой строй и построил социалистический строй, превратив марксистско-ленинскую идеологию в господствующую идеологию во всех отраслях науки, в том числе и в таких отраслях науки, как государствоведение и правоведение, где издавна почти безраздельно господствовало идеалистическое направление, в частности в виде юридического мировоззрения.

«Теоретический уровень наших общественных наук: философии, истории, политической экономии, юридических наук — стоит неизмеримо выше тех общественных теорий, официальных «научных» дисциплин, которые имеют хождение в буржуазных странах»².

Преимущества советской юридической науки перед буржуазной юридической наукой весьма и весьма значительны. Вот важнейшие из них. Советская юридическая наука является материалистической, в то время как буржуазная — идеалистической. Советская юридическая наука имеет в своем распоряжении подлинно революционный и критический метод познания и исследования — материалистическую диалектику, применение которой дает возможность глубоко и всесторонне изучить государственно-правовую жизнь, как бы она ни была сложна, тогда как буржуазная юридическая наука пользуется метафизическим, юридическим, формально-догматическим методом или идеалистической диалектикой. Советские ученые-юристы работают в условиях самого передового общественного и государственного строя, в обстановке неуклонного прогрессивного развития экономической, политической и культурной жизни народа и верно служат своему народу; буржуазные же государствоведы и правоведаы занимаются в условиях капиталистического общественного и государственного строя, в обстановке маразма и распада буржуазной культуры и служат интересам эксплуататорского меньшинства.

Вот почему советским государствоведам и правоведам не в силу низкоконтраста перед юридической наукой Запада. Они впра-

¹ И. В. Сталин, *Восрождение ленинизма*, изд. 11, стр. 540.

² Передовая статья журнала «Большевик» «Советская общественная наука на современном этапе» («Большевик» № 15 за 1946 г., стр. 3).

ве рассматривать себя не как учеников буржуазных авторов, а как носителей и проповедников самого передового, истинно научного учения о государстве и праве.

Это, конечно, не значит, что наша юридическая наука сделала все по обобщению новых явлений государственно-правовой жизни в СССР и за рубежом и может почитать на лаврах. Приходится, к сожалению, констатировать, что она все еще отстает от растущих требований жизни, практики.

Юридические научно-исследовательские институты не дали еще ни одной серьезной научной работы в области теории советского государства и права. До настоящего времени не написан советский учебник по теории государства и права, и многие важные вопросы этой науки, имеющие существенное значение для практики государственно-правового строительства, еще не разрешены. Не разработаны также многие основные проблемы международного права, и в частности еще не опубликован учебник по этому праву. Научные работники в области государства и права пришли мимо того, имеющего историческое значение, факта, что в борьбе против фашистских захватчиков народы многих стран Европы отвернулись от традиционной буржуазной демократии и встали на путь строительства новой, народной, демократии. Они не подвергли разоблачению и всесторонней критике реакционные «теории» государства и права, имеющие своей целью оправдание практики империалистических государств. Эти крупные недостатки, говорящие о запущенности научной работы в области юриспруденции, в сочетании с неудовлетворительной постановкой юридического образования обусловили недостаточную вооруженность кадров, слабое знание ими юриспруденции.

Отставание теоретических работников в области государствоведения и правоведения является следствием того, что многие из них, как это отмечалось в нашей прессе, оторвались от жизни, уходят от вопросов практической борьбы, забывая, что новая теория всегда создавалась в острой борьбе с отжившими взглядами и представлениями, в самой гуще политической борьбы¹.

Огромное руководящее значение имеют для нас известные Постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград», доклады тов. Жданова на собраниях партийного актива и на собраниях писателей в Ленинграде об упомянутых журналах и постановление ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. о расширении и улучшении юридического образования в стране².

В Постановлении ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. сказано, что предоставлявшие активной роли в журнале «Звезда» таким поэтам и подонкам литературы, как Зощенко, и такой поэтессе, как Ахматова, являющейся типичной представительницей чуждой нашему народу пустой, безидейной, аполитичной поэзии, внесло эле-

¹ Передовая статья журнала «Большевик», «Советская общественная наука на современном этапе» («Большевик» № 15 за 1946 г., стр. 7).

² См. газету «Культура и жизнь» № 15, 1946.

ли, а существует ради достижения счастливой жизни. По Аристотелю, «всякое государство — продукт естественного возникновения... оно уподобляется в этом отношении первичным общинам — семье и селениям, оно является завершением их». Стремление к государственности, указывала Аристотель, есть природное свойство людей. «Человек, нашедший свое завершение в государстве, — совершеннейшее из творений, и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, занимает жалчайшее место в мире»¹.

Таким образом, различая в государстве территорию, граждан и власть (формы власти), Аристотель довольно подробно исследовал все эти элементы. Суждения Аристотеля о государстве приобрели все эти элементы. Суждения Аристотеля о государстве приобрели для буржуазной науки значение традиции. Между тем, Аристотель, отождествлявший государство с обществом, не вскрыл ни содержания, ни специфических признаков государства.

В XVIII в. некоторые буржуазные ученые заметили различие между обществом (гражданским обществом) и государством. Чем можно объяснить этот факт? Во-первых, тем, что в XVIII в. резко бросилось в глаза несоответствие между буржуазным обществом, впервые сложившимся еще в недрах феодализма, и феодальным государством, продолжавшим свое существование и сковывавшим развитие буржуазного общества. Во-вторых, тем, что появившееся в результате буржуазной революции новое государство, соответствующее буржуазному способу производства, получило видимую самостоятельность и независимость от общества, так сказать, отделилось от него.

Пока в эпоху феодализма все элементы общественной жизни — собственность, способ труда, способ распределения и т. п. — приобретали политический характер или, как указывает Маркс, возводились в форму привилегий, сословий и корпораций на высоту элементов государственных и таким образом определяли политическое положение индивида, его отношение к государству², то в условиях капиталистического строя эти элементы стали независимы от государства. В свою очередь государство приобрело некоторое самостоятельное существование наряду с гражданским обществом и как его, оставаясь на деле организационно-политической формой класса собственности.

Нельзя, однако, отметить, что буржуазные авторы не сумели раскрыть истинной сущности государства и дать строго научное определение общества. Для них характерно признание государства в качестве определяющей и первичной силы, обуславливающей общество. Кроме того, некоторые из них и после XVIII в. продолжают отождествлять общество с государством, изображая государство как одну из форм общества, которая обуславливает все другие формы и в то же время является продуктом их³.

Широкое распространение в буржуазной общественной науке получила механическая теория, согласно которой общество — искусственное произведение людей, их произвольное установление или изобретение. Эта теория отрицала закономерное развитие общества и смотрела на него, как на механический агрегат индивидов, социальных атомов. Здесь, несомненно, сказался метафизический подход к изучению общества, основанием которого является якобы соглашение людей между собой. По этой теории (а к ней надо отнести естественно-правовую доктрину), общественная власть устанавливается для обеспечения внешней безопасности и внутреннего порядка общества.

Несмотря на очевидную порочность, механическая теория XVII—XVIII вв. играла известную положительную роль. До этого на общество смотрели, как на продукт действия независимой от общества и его элементов силы, как результат сверхъестественной силы. В XVII—XVIII вв. общество стали рассматривать, как продукт разумной воли людей. Это шаг вперед от теологической социологии.

Также широкое распространение в буржуазном мире получила органическая теория. По этой теории, общество — естественный факт, возникший и развивающийся подобно организму, помимо участия человеческой воли. Развитие общества состоит в увеличении его размера и в его дифференциации, в усложнении его структуры и в появлении разделения труда между людьми. По этой теории, ищущей основу государства в законах природы, государство — организм, порождаемый действием тех же сил, которые вызывают явления природы.

Еще древнегреческий философ, основатель объективного идеализма, Платон (около 429—347 до н. э.) сравнивал государство с человеческим организмом, точнее, со способностью и сторонами человеческой души. Но до XIX в. дальше этого сравнения ученые не шли. С этого же периода сравнение государства с организмом приобретает видимость науки. Делается попытка научно обосновать перенесение естественных законов в область государственной жизни. Немецкому юристу Блончли и английскому философу-социологу Спенсеру (1820—1909), наиболее видным приверженцам органической теории, в этом отношении принадлежит пальма первенства. Считая государство произведением сил природы, ма первенства. Считая государство произведением сил природы, органическая теория представляет себе государство в качестве общественного организма, состоящего из отдельных людей, подобно тому как организм животного состоит из отдельных клеток. Поэтому как организм животного приравнивают к людям человеческого организма, приписывая ему волю и сознание, отличные от воли и сознания входящих в государство отдельных людей. Блончли называет государство мужским организмом, а церковь — женским.

Органическая теория утверждает, что государство появляется на земле одновременно со своими составными частями — людьми и будет жить до тех пор, пока продолжает существовать род че-

¹ Аристотель, Политика, 1311, особенно стр. 7—9, 72 и 110.
² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 389.
³ Г. Боллгар, Право естественного общества, стр. 61.

ловеческий. Что касается государственной власти, то она естественно господствует над своими составными частями. Следовательно, функции государства подчинены благу целого, т. е. интересам всего народа.

Спенсер и русский буржуазный социолог Струас отстаивали эволюционную теорию развития и проводили полную аналогию между развитием органической природы и человеческого общества, совершенно игнорируя действительные качественные особенности общества, развивающегося по своим специфическим законам. По Спенсеру, теория общества и государства станет научной лишь при условии, когда она воспримет методологию и понятия естественных наук и в частности биологии. При анализе общества Спенсер идет от частного к простому и целому и сложному. Отправной клеточкой для него служит человек как таковой или орда в первобытном мире. Общественный организм отличается от природы способностью роста и сложностью структуры. Развитие общества понимается как дифференциация¹ и интеграция². Внутри первобытного (т. е. социально-однородного) общества, утверждает Спенсер, появляется вследствие роста и усложнения техники разделение труда. Из широкого сотрудничества людей, вытекающего из дифференциации общества и разделения труда, возникает классовое деление общества. Классовое деление есть свойство всякого экономически развитого общества. С этой точки зрения коммунистическое бесклассовое общество невозможно. Взгляд этот находится в резком противоречии с современной переловой общественной наукой и опровергается практической деятельностью советских людей, успешно двигавшихся к коммунизму.

Наряду с дифференциацией в обществе происходит интеграция: отдельные люди объединяются в роды и племена, а племена — в государство. Структурная сложность общественного организма заключается, по Спенсеру, в наличии трех видов тканей: 1) ткани, отражающей и воспринимающей (в обществе — военное сословие); 2) ткани, перерабатывающей и ассимилирующей вещества, т. е. желудок, почки и прочее (в обществе — производители материальных благ); 3) ткани, связывающей опосредствующим звеном между первым и вторым видом ткани, и служащей для кровообращения (в обществе — класс купцов и торговцев). Достаточно нарушить нормальные взаимоотношения между этими тремя родами тканей, как социальный организм будет неправильно функционировать. С точки зрения этой теории, революция является болезненным состоянием общества³, что, конечно, не соответствует действительности.

¹ Дифференциация — разделение однородного целого на многообразные и разнообразные формы и ступени.

² Интеграция — объединение в одно целое различных частей.

³ Эта теория является Г. Спенсером в следующих его произведениях: «Очерки метафизики (1897 г.)», «Система синтетической философии и Основания социологии» (изд. 1905 г.).

Нельзя сказать, что дифференциация и интеграция не играют никакой роли в развитии. Нет, они занимают большое место в нем. Но нельзя сводить все развитие к дифференциации и интеграции, являющимся составной и подчиненной закономерностью разно-стороннего и широкого процесса общественного развития. Сильный характер дифференциации и интеграции определяется существенными особенностями того процесса, внутри которого они происходят. Ленин учит, «Самое понятие «дифференциация», «разнородности» и т. п. получает совершенно различное значение смотря по тому, к какой именно социальной обстановке применить его»¹.

Органическая теория переоценивает значение дифференциации и интеграции, сводя к ним общественное развитие в целом. Она рассматривает дифференциацию как вневременной закон развития общества. Такое понимание общественного развития вытекает из количественной теории развития. Последняя представляет развитие лишь как уменьшение и увеличение, как простое повторение уже пройденного. Она отрицает возникновение нового качества и не в силах вскрыть и показать особенности каждой высшей ступени общественного развития. Она сводит различие между общественно-экономическими формациями к различной степени дифференциации и обосновывает вечность капиталистического строя (этот строй якобы всегда существовал и отличался лишь уровнем своего развития и различной сложностью своих отношений). Эта теория отрицает скачки, революционные переходы из одного качества в другое. Органическая теория порочна и в том смысле, что она переносит законы развития природы на общественную жизнь и стало быть, совершенно игнорирует специфические особенности общества и его закономерностей. Это определило и все другие ее недостатки, в частности, ненаучное объяснение происхождения и сущности государства. Органическая теория ничего общего не имеет с учением Дарвина о происхождении видов, а тем более с марксистской теорией исторического развития.

Марксизм установил различие между государством и обществом и вскрыл историческую закономерность их развития.

Общество — совокупность отношений людей в процессе производства материальной жизни. Совокупность отношений производства, говорят марксисты, образует общество, находящееся на определенной ступени исторического развития и отличающееся своеобразным характером². Характер общества и смену его форм определяет добытие средств к жизни, т. е. способ производства пищи, одежды, обуви, жилища, топлива, орудий производства. Без этого общество не может жить и развиваться. Другими словами, основой развития общества является развитие производственных сил и производственных отношений. «Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производи-

¹ В. И. Ленин, *Соч.*, т. I, стр. 265.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. V, стр. 429.

тельные силы, добытые прежними поколениями, и эти производи-
тельные силы служат ему сырым материалом для нового производ-
ства. — Благодаря этому факту образуется связь в человеческой
истории, образуется история человечества»¹.

Марксизм открыл закономерность в развитии общества
и впервые установил понятие общественно-экономичес-
кой формации². «Маркс положил конец индифференту, допускающий
общество, как на механической агрегат индивидуумов, допускающий
всекие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле об-
щества и правительства), возникающий и исчезающий случайно,
и впервые поставил социологию на научную почву, установил по-
нятие общественно-экономической формации, как совокупности
данных производственных отношений, установив, что развитие та-
ких формаций есть естественно-исторический процесс»³.

Общество развивается закономерно. В связи с этим одной из
задач исследования является вскрытие этой закономерности. Это
решается творческим применением к обществу общих законов
развития, свойственных всем формам действительности. Зако-
ны развития своеобразны в каждой области действительности.
Например, законы развития органической и не-
органической природы не применимы к развитию человеческого
общества. В органической природе огромное значение имеют такие
явления, как борьба за существование и естественный отбор,
свойственные лишь ей и не имеющие места в человеческом
обществе и в неорганической природе. Как целокупное, так и соз-
нательное игнорирование этого приводит к перенесению законов
биологии и физики на явления в человеческом обществе. Так, неко-
торые ученые, сторонники «социального дарвинизма», классовую
борьбу и разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируе-
мых изображают как естественный отбор, а законы народонаселе-
ния — как законы размножения животных.

Законы развития одного какого-либо общества нельзя меха-
нически переносить на другое. Например, существенное различие
между бесклассовым и классовым обществом не может не сказаться
на особенностях развития того и другого. Определяющим нача-
лом жизни классового общества является классовая борьба, выра-
жающая противоречие между производительными силами и произ-
водственными отношениями. Она является основной, решающей
пружинкой развития этого общества. «Вся писанная история до сих
пор была историей классовой борьбы, сменой господства и побед

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 22.

² Генеральная формулировка учения об общественно-экономических формациях дана Марксом в его «Предисловии» к книге «К критике политической экономии». Это учение получили дальнейшее развитие в трудах Ленина в Сталина и особенно в работе Ленина «Что такое «хрустальный народ» и как был воюет против социал-демократов» (Соч., т. I, стр. 51—228) и в работах Сталина «Анархизм или социализм» (Соч., т. I, стр. 294—372) и «О диалектическом и историческом материализме» (Вопросы философии, июль, 11, стр. 533—563).

³ В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 62—63.

одних общественных классов над другими. И это будет продол-
жаться до тех пор, пока не исчезнут основы классовой борьбы и
классового господства...»¹. Не приходится доказывать, что в бес-
классовом обществе нет классовой борьбы.

Не всякая теория правильно отражает реальный процесс раз-
вития государства и права. Только материалистическая диалекти-
ческая теория развития в состоянии сделать это.

Вот как Ленин характеризует эту теорию:

«Развитие, как бы повторяющееся пройденные уже ступени, но
повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрица-
ния»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; —
развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; —
сперывы постепенности; превращение количества в качество; —
внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столк-
новением различных сил и тенденций, действующих на данное тело
или в пределах данного племени или внутри данного общества; —
взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь в сех сторон
каждого явления (при чем история открывает все новые и новые
стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс
движения, — таковы некоторые черты диалектики, как более со-
держательного (чем обычное) учения о развитии»².

Марксова теория, дающая научное определение общества, ис-
следует различные общественно-экономические формации и зако-
номерные переходы от одной формы общества к другой.

Известны общества: первобытно-общинное, рабовладельческое,
феодалное, капиталистическое и социалистическое. Марксом
установлено, что каждому данному обществу присущ особый харак-
тер и способ соединения средств производства и рабочей силы.
Первобытно-общинный строй характеризуется коллективным тру-
дом и коллективной собственностью на средства производства. На
этой базе происходило соединение средств производства и рабочей
силы. В рабовладельческом, феодальном и буржуазном обществах
это соединение основывалось на различных формах частной соб-
ственности на средства производства. В социалистическом обще-
стве средства производства находятся в руках общества, и этот
способ соединения их с производителями открывает безграничный
простор для развития общественного производства.

Конфликт между производительными силами и производствен-
ными отношениями разрешается в конечном счете социальными
революцией, заменяющей старое общество новым обществом.
Эта общая закономерность развития человечества не исключает
того, что каждая общественно-экономическая формация имеет
свои специфические законы развития и что в рамках одной
и той же формации отдельные страны развиваются своеобразно.
«Один и тот же экономический базис — один и тот же со сто-
роны главных условий — благодаря бесконечно различным эконо-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 400.

² Там же, т. XVIII, стр. 11—12.

34449

№ 9525

БИБЛИОТЕКА
Всесоюзной Академии
Советского Союза

37267-93
БИБЛИОТЕКА
Воспитательная
АКАДЕМИИ

чески обстоятельства, естественным условиям, расовым отноше-
ниям, действующим идеям исторический анализ и т. д. — может
обнаруживать в своем произведении бесконечные вариации и граде-
ции, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих
эмпирически данных обстоятельств¹.

Внутри каждой исторически нашей общественно-экономиче-
ской формации складываются материальные предпосылки для новой
формации и сокрушаются в качестве подчиненного момента и в
измененном виде остатки предшествующей формации. В выборе
форм общества люди не свободны.

С разделением общества на классы возникают государство,
право, политика. Исторический материализм говорит, что «...Духов-
ная жизнь общества является отражением условий его материаль-
ной жизни. Что касается за и а с е и я общественных идей, теорий,
идеологий, политических учреждений, что касается их роли в исто-
рии, то исторический материализм не только не отрицает, а, наобо-
рот, подтверждает их серьезную роль и значение в жизни общества,
в истории общества»².

Между базисом и надстройкой существуют взаимосвязь и
взаимодействие, покоящиеся на базисе. Сущность, характерные
черты и роль надстройки определяются в конце концов в эко-
номической необходимости, экономической структурой данного
общества. Существуют и другие, культивируемые сторонниками Эко-
номического материализма, согласно которому только
экономика является причиной, а все остальное — пассивные
факторы. С другой стороны, говорят они, экономика определяет
надстройку не в общи и целом и не в конечном счете, а в целом
и в каждой данной момент. Это мнение ошибочно, диалектично.
Надстройка, риз возникая, получает относительно самостоя-
тельность в своем развитии. Это значит, что она, следуя в об-
щем в целом за экономическим развитием, оказывает на свое осно-
вание обратное действие в сторону ускорения или замедления
его развития.

Что касается государства, то оно является «... официальным
выражением гражданского общества»³. Оно «... сила, происходящая
из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчужда-
ющая себя от него»⁴. Возникнув из общества и внутри его, оно
приобретает некоторую самостоятельность по отношению к нему.
Сначала его независимость от общества находится в прямой связи
с его зависимость от господствующего класса данного общества.
«Государство было, — писал Энгельс⁵, — официальным представи-
телем всего общества, оно объединило его в одной видимой орга-
низации, но оно исполняло эту роль лишь постольку, поскольку

было государством того класса, который сам являлся представи-
телем всего современного ему общества: в древности — государ-
ством граждан-рабовладельцев; в средние века — феодального
дворянства; в наше время — буржуазии».

Ни рабовладельческое, ни феодальное, ни буржуазное государ-
ства не были и не могли быть действительными представителями
всего общества. Лишь наше советское государство является пред-
ставителем всего социалистического общества.

Государство и право, определяясь в конечном счете экономи-
ческим основанием общества, оказывают на общество серьезное
влияние. Действие государственной власти может быть, как указал
Энгельс, «тришкого рода». Государство и право могут способство-
вать развитию общества. Они могут и препятствовать его развитию,
тормозить его. Они могут, наконец, ставить экономическому разви-
тию преграды в определенных направлениях и толкать вперед в
других направлениях. Третий род действия самостоятельного зна-
чения не имеет и сводится либо к первому, либо ко второму роду⁶.

Из сказанного следует, что государство и общество не тожде-
ственны и что между государством и классовым обществом нет
и не может быть китайской стены, ибо «с политической точки
зрения государство и устройство общества — не
две разные вещи: государство есть устройство общества»⁷.

Неправильно, идеалистически и метафизически решая корен-
ной вопрос теории государства и права — вопрос о соотношении
государства и права, буржуазные государствоведы и правоведы
также неправильно трактуют и все другие относящиеся к государ-
ству и праву проблемы, в частности проблемы сущности и прои-
схождения государства и права. И наоборот, марксистско-ленинская
общественная наука, вскрыв действительную связь государства с
классовым обществом, правильно решает указанные проблемы.

III

Буржуазные и добуржуазные учения о происхождении госу-
дарства можно разделить на две основные группы. Первую группу
составляют учения, отрицающие рациональность самого вопроса
о происхождении государства (например, теория Кельзена), а вто-
рую — учения, признающие теоретическую важность постановки
этого вопроса.

Для первой группы характерно признание государства и права
в качестве постоянных спутников общественной жизни. Для нее
происхождение государства — это в лучшем случае вопрос о воз-
никновении общественной жизни, ибо она не может себе предста-
вить никакого хоть сколько-нибудь упорядоченного человеческого
общества без государства. «Государство, по природе своей, веч-
но, в юридическое существование его не допускает никакого пере-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 227.

² К. В. Станен, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 546.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 22.

⁴ Там же, т. VII, к. I, стр. 149.

⁵ Там же, т. XIV, стр. 283—284.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, 1852, стр. 381.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 11.

рва. Диктатура нация, оно предназначено существовать, пока существует сама нация». Так говорят и пишут многие буржуазные ученые. Ошибочность этого тезиса очевидна. Государство не вечно. Было общество без государства, т. е. коммунистическое строй. Будет общество без государства во всем мире. Неправильно утверждение, что государство — диктатура нации. Государство было и тогда, когда нации в современном ее понимании еще не было. Известны такие и голландские и английские государства, про которые нельзя сказать, что они (каждое в отдельности) являются удовлетворением какой-либо одной нации. Да и одна нация является государством и представляет на деле как своей внутренней, так и внешней политикой не нацию, а ее господствующий класс.

По существу отрицают происхождение государства и права те, кто полагает, что государство и право до своего возникновения существовали в действительности и лишь в силу своей неразрывности или связанности с другими явлениями (например, с приватностью) не могли восприниматься как государство и право. В этой связи уместно указать на М. М. Сперанского. Он различал две основные силы или государственной власти — законодательной, исполнительной и судебной — судебной: состояние рассеянности и состояние соединения. В первой своей стадии государственная власть находилась в мертвом и раздельном существовании, не производя ни законов, ни прав, ни обязанностей. «Такое состояние сил в естественном положении или анархии». На этой стадии каждый имел свою волю, свой закон и свое исполнение. Вторая стадия — это соединение государственных сил, образование державной власти и создание политических прав ее. Следовательно, из соединения личных сил составилась впоследствии державная власть. В раздельном существовании государственные силы рождут права подданных; от державной же власти возникают законы и их исполнение. Итак, проблема происхождения государства сведена Сперанским к вопросу о возникновении державной власти. Самое же возникновение этой последней понимается, как соединение существовавших до нее раздельно государственных сил.

Для второй группы характерна крайне ограниченная постановка проблемы происхождения государства. Ее интересует указанная проблема лишь в плоскости внешнего законности или формального источника государственной власти. В этом отношении типична естественно-правовая теория XVII—XVIII вв. Чтобы понять значение этой теории, необходимо хотя бы вкратце рассмотреть, как до ее появления решался вопрос о происхождении государства.

Согласно патриархальной теории (Аристотель и др.) источник государства надо искать в первичных формах человечес-

ского общения — в родовых союзах. Государство является, по мнению сторонников этой теории, простым следствием расширения родового союза, а государственная власть — развитием и естественным продолжением власти родового старейшины. Власть отца семейства (Pater Familias) якобы переходит сначала во власть родового старейшины, а потом во власть государственную. С этой точки зрения, стремящейся объяснить происхождение государства вообще, а лишь государства в монархической форме, власть главы государства (монарха) — первобытная власть отца семейства, переходящая постепенно от отца к старейшему сыну по праву первородства. Еще Руссо высмеял этот взгляд. Если, писал он, источником государственной власти является право первородства, то надо еще доказать, кто обладает этим правом.

Вторым вариантом патриархальной теории является утверждение, что государство возникает из племенного союза естественным расширением его, превращающим власть отца семейства во власть вождя в патриархальном государстве.

Переходя к критической оценке этой теории, нетрудно заметить ее несостоятельность. Она, во-первых, выводит государственную власть не из материальных условий жизни классического общества, а из права (права первородства) и, следовательно, является идеалистической теорией; во-вторых, предстанает возникновение государства как следствие расширения родового или племенного союза, а не как результат революционных переворотов и потому может быть отнесена к эволюционной концепции развития; в-третьих, имеет дело с очень ограниченным объектом, ибо пытается объяснить не государство вообще, а лишь государство в его монархической форме, и потому ее выводы не могут быть применены к возникновению республиканских государств; наконец, в-четвертых, смазывает истинную (материальную) природу государства и в частности государственной власти, изображая власть монарха как власть отца разросшегося семейства, как власть отеческую.

Если патриархальная теория, как видно из сказанного, связывает происхождение государственной власти с развитием родового или племенного союза, пытается в земной жизни найти корень государственности, то теократическая теория выводит государственную власть из религиозного авторитета (бога), или источника государственной власти на небе. Она либо отождествляет носителя государственной власти с божеством, либо рассматривает его как посланника бога, получившего от последнего свои права. Благодаря этому теократическая теория была и отчасти остается ныне излюбленной политической доктриной монархии.

Христианская религия не отождествляет носителя государственной власти с источником власти — богом. Она, изображая власть как божественное установление, говорит: «Нет власти, которая была бы не от бога».

Теократическая теория происхождения государства была господствующей в средние века, что вытекало из того факта, что в

А. Фомин, Общественное право, 1898, стр. 3.

План государственного преобразования М. М. Сперанского, 1805, стр. 4.

указанное время теологическое мировоззрение преобладало во всем мировоззрении, во всех отраслях человеческого сознания, в том числе и в юриспруденции. Следы этой теории имеются и в современном буржуазном мире. Об этом говорит, в частности, внешняя обрядовая сторона монархии. Монархическая власть включает в свой титул слова «божественная милость» иногда в сочетании со словами «и волей народа». Обряд коронации включает в себя мысль о религиозной связи для власти монарха.

По мнению приверженцев теократической теории, государственная власть возникает из религиозного авторитета, и основательная власть возникает из религиозной вере, распространяемой в массе населения. Вера в божественное происхождение власти делала в государствах древнего Востока получила широкое распространение во всех слоях населения. Здесь политический авторитет представлялся как следствие религиозного авторитета. Но с другой стороны, римские императоры были императорами не потому, что в них видели провидение божества, а наоборот, они обоготворялись потому, что они были императорами.

Христианский философ, «отец церкви» Августин (354—430), развил идею христианского государства¹. По его мнению, царства (государства), лишённые справедливости, не подчинены церковной власти, суть *Magas latrocina*, т. е. шайки разбойников в большом размере. Августин считал, что государство как светская власть стало необходимо в силу грехопадения людей. До известного времени духовная власть (власть церкви) одна справлялась с человеком, еще не вставшим на путь грехопадения. Когда же человек встал на этот путь, одной духовной власти стало недостаточно. Образовалось государство, воздействующее на тело человека (касание по отношению к человеку).

По сравнению с патриархальной и теократической теориями происхождения государства естественно-правовая теория была огромным шагом вперед.

Ссылка на природу, смотря по обстоятельствам, отличается то революционным, то консервативным характером. Она пускается в ход идущим к власти эксплуататорским классом для обоснования правомочности его борьбы за власть и используется уже установившим свою диктатуру классом для оправдания его господства и отрицания закономерности революции нового класса, стремящегося к захвату власти.

Ссылка на природу у прогрессивных людей XVII—XVIII вв. выражала собой прежде всего стремление противопоставить средневековому схоластическому мышлению с его устремлением к богу, к обоснованию догматов церкви изучение всего естественного. Она выражала тогда атеистические тенденции восходящего класса капиталистов, направленные против теологического мировоззрения

средневековья. Прогрессивные мыслители признавали единственной силой, открывающей новые перспективы действительного изучения окружающего мира, разум, «его величество» разум. «... Руководимый опытом разум должен, наконец, поразить в их источнике предрассудки, жертвой которых был так долго человеческий род». Голос истины должен быть услышан «честными людьми, способными мыслить и достаточно чувствительными, чтобы испытывать скорбь от бесчисленных бедствий, насаждаемых на землю религиозной и политической тиранией... Заблужденные — виновники тех тяжелых бед, которые повсюду куют народам тирании и жрецы»¹.

Однако, отираясь от столь неопределенного понятия («естественное» или «природное»), различные мыслители приходили к диаметрально противоположным выводам. Если некоторые физиократы, исходя из «природы», пытались доказать необходимость частной собственности, то Морелли в «Кодексе природы» и в «Базилиаде» стремился обосновать необходимость коммунизма. По Морелли, все бедствия человечества происходят от существования частной собственности. Следовательно, коммунизм Морелли — порядок, предписываемый самой «природой».

Собственно о буржуазной трактовке естественного права можно говорить лишь с того времени, когда под ним стали понимать отвлеченную систему права, вытекающую из природы человека. Крупнейшими ее представителями были: голландский ученый периода расцвета нидерландского торгового капитала Гуго Гроций (1583—1645), отразивший в своих сочинениях² борьбу голландского торгового капитала за свободу морей, положивший начало буржуазной науке международного права и оказавший весьма значительное влияние на развитие буржуазной философии права, английский философ-материалист и политический мыслитель Томас Гоббс (1588—1679)³; знаменитый английский философ

¹ Паль Гольбах, Система природы, стр. 1.

² «Об открытом море» и «О праве войны и мира».

³ Гоббс различал два основных рода тел: естественные (природа) и искусственные (общество или государство, так как Гоббс отождествлял общество с государством). Человек, по Гоббсу, занимает среднее место между ними, так как он представляет собой естественное тело и в то же время создает искусственное тело. Свою философию Гоббс делит на следующие три части: учение о теле, учение о человеке и учение о гражданстве. В своей общественной теории Гоббс исходит из неизменной человеческой природы, считая, что корень добра и зла лежит в чувственных желаниях человека. В естественном состоянии войны все против всех все принадлежит всем. Из этого вытекает состояние войны всех против всех. Чтобы установить мир, люди, руководствуясь эгоизмом и благоразумием, создают государство, т. е. уступают свои права верховной власти. Верховная власть должна быть, по Гоббсу, абсолютной, безраздельной. Гоббс считал государство с дополнительным условием Леммафия. Государство призвано умерять, сдерживать групповую борьбу и делать возможной совместную жизнь людей. Общественная теория Гоббса, отличающаяся идеалистическим характером, изложена в следующих работах автора: «Элементы философии — о теле, о человеке, о гражданстве», «Леммафия или о содержании, форме и власти правительства». Политические взгляды Гоббса на стороне сильной монархической власти.

¹ Его главное сочинение: *De civitate Dei*.

Джон Локк (1632—1704)¹; французский писатель-просветитель Жан-Жак Руссо (1712—1778)²; немецкий философ, дуалист и агностик Иммануил Кант (1724—1804)³; великий русский писатель, революционер-просветитель, философ-материалист Александр Николаевич Радищев (1749—1802)⁴.

Сторонники естественно-правовой теории подвергли не знающей ни признания критике религию, теологические взгляды на природу, общество, государство и право⁵. Они признавали неразумными и отбрасывали, как хлам, все старые общественные и государственные формы и все традиционные понятия. Они с точки зрения разума безжалостно осуждали прошлое (феодализм) и критиковали остатки крепостничества (феодалыне привилегии, привилегии церкви и т. д.).

Для этой теории характерно идеалистическое, механистическое и атомистическое понимание общества и государства. Исходным пунктом государства и общества является человек. Один из основных недостатков естественно-правовой теории как раз в том и состоит, что она производит от общества — человека берет за основу общества и выводит сущность человека абстрактно, а не как совокупность определенных, конкретно-исторических общественных отношений⁶. Из этого ошибочного теоретического положения делались далеко идущие практические революционные выводы. Революционные мыслители века требовали создания такого общественного строя, который бы соответствовал природным качествам чело-

¹ В своей политической теории Локк исходит из теории общественного договора Гоббса. Локк обосновывает необходимость разделения властей и требует от монархической власти ограниченную народному представительству. В общественной теории Локка находят свое отражение и обоснование классовой борьбы в Англии между дворянкой аристократией и либеральной буржуазией второй половины XVII в. Главный труд Локка — «Опыт о человеческой разумности».

² Бархатде Руссо будет изложена ниже.

³ Бархатде Канта будет изложена ниже.

⁴ Радищев боролся открыто и решительно против крепостного права и самодержавия в России и отстаивал принцип равенства всех перед законом. Он доказывал противоречивый характер христианского вероучения и считал лучшей формой государства республику. За свои оппозиционные сочинения Радищев в Петербурге и Москве был осужден судом приговора к смертной казни, замененной 10-летней ссылкой в Сибирь.

⁵ Однако не все они отрицали бога, например Гуго Гроций признавал бога и считал, что естественное, положительное право вытекает волею бога и людей, сущности и личности из врожденного племени и общины. В данном случае отмечено то, что Г. Гроций не отрицает бога, а лишь ограничивает его власть областью естественного права.

⁶ С точки зрения марксизма человек — не абстрактное, или мир существ — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 389. Представители же школы естественного права рассматривали человека абстрактным человеком. Их человек свободен от всякой реальности, от всех и всяких экономических, классовых, национальных, половых, религиозных и личных особенностей. От него ничего не

ника, и устранения феодализма, абсолютной монархии и религиозного иракобесия, как явлений, враждебных природе человека. Но они боролись не против классового господства вообще, а лишь против господства класса феодальной собственности и феодального государства, изображая новое (буржуазное) общество в качестве единственной разумной организации человеческого общества.

Краеугольным камнем естественно-правовой теории является тезис, что государству предшествует естественное состояние и т. д. Условия жизни людей и характер человеческих взаимоотношений в естественном состоянии представлялись самым различным образом. Для одних естественное состояние — царство неограниченной личной свободы, дикой анархии, ведущей к *bellum omnium contra omnes* «войне всех против всех» (Гоббс); для других — мирное идиллическое первобытное царство свободы и невинности («золотой век») (Томасий¹ и Руссо); для третьих — неограниченная личная свобода, приводящая к неизбежному обнищанию (Локк).

Заметно, что для многих проповедников договорной теории естественное состояние — это философский постулат² или, как говорил Гольбах³, вымысел, фикция. Однако это такая фикция, которая критиковала докапиталистический общественный и политический строй и предвещала торжество буржуазного общества. «В этом обществе... человек выступает освобожденным от естественных связей и т. д., которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определенного ограниченного человеческого конгломерата» (К. Маркс)⁴.

Буржуазному государству, о возникновении которого собственно и говорили творцы договорной теории, предшествовало не естественное, а определенное общественное состояние — феодальное общество, в недрах которого возникли буржуазные отношения, и их создатель, т. е. человек-капиталист.

Теоретики естественного права считают государство продуктом юридического акта, общественного договора, порождением разумной воли народа, человеческим учреждением или даже изобретением.

В элементарной форме идею договорного происхождения государства высказали еще софисты Антифон, Тракияма и др. В развернутом же виде она, соединившись с учением о естественном праве, была сформулирована в XVII—XVIII вв. Эта идея была идеологическим обоснованием притязаний буржуазии на власть, на политическое господство в обществе.

¹ Христиан Томасий (Томасиус) — немецкий философ-идеалист, юрист (1655—1728).

² Постулат (от латинского *postulare* — требовать) — термин, обозначающий положение, которое, не будучи доказанным, принимается в силу теоретических или практической необходимости за истинное.

³ Поль Гольбах (1723—1789) — французский философ, материалист, агност.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 173.

как нераздельную часть делого»¹. Это соглашение означает переход человека из «естественного состояния» в гражданское, замену инстинкта правосудием и нравственным началом. Более шестнадцатый договор не разрушает естественного равенства, более того, он замечает физическое неравенство моральным и законным равенством.

Таким образом, согласно учению Руссо, 1) государство создано общественным договором и искажено возникновением общественного неравенства; 2) люди, свободные и равные по природе, должны пользоваться одинаковыми политическими правами, быть равными перед законом; 3) восстановление этого равенства происходит путем заключения общественного договора людьми. Договорная теория происхождения государства в формулировке Руссо являлась грозным и могучим оружием, огнедышащее жерло которого было направлено против феодализма. Она противопоставляла распадающемуся феодальному обществу новое — буржуазное.

В связи с созданием государства, — говорят сторонники естественно-правовой доктрины, — индивид разделяется на человека и гражданина. Соответствующее разделение характерно и для его права. Устанавливая гражданское общество, человек отказывается от части своих прав, он вносит налог в казну и таким образом ограничивает свою собственность; он связывает свою естественную свободу со свободой каждого другого человека и с интересами всего общества и, следовательно, ограничивает свою свободу. Но, передавая обществу часть своих прав, человек в другой форме получает от общества эквивалентные права, права гражданина.

Утверждение, что человек от природы свободен и все люди равны, — исторического происхождения. Оно продукт известной эпохи и развития человеческого общества. Как случайное и научно необоснованное, оно могло появиться, и действительно появилось в условиях рабства и крепостничества. Так, «афинянин знал себя свободным и в качестве афинянина, и точно так же римский гражданин знал себя свободным и в качестве *ingenuus* (родившегося от свободных). Но что человек свободен сам по себе, по своей сущности, что человек рожден свободным, этого не знали ни Платон, ни Аристотель, ни Цицерон, ни римские юристы, хотя лишь это понятие есть источник права. Лишь в принципе христианства индивид абсолютен, личный обладает по своему существу бесконечной абсолютной ценностью; бог хочет спасти всех людей. В христианской религии выступило учение, что перед богом все люди равны, ибо Христос определил их к христианской свободе. Эти определения делают свободу независимой от происхождения, сословия, образования и т. д. И этим был сделан необычайно огромный шаг; но эти определения еще отличны от определения, согласно которому

быть свободным составляет понятие человека, понятие, познание, что человек от природы свободен, это знание самого себя — недавнего происхождения»¹.

Идея всеобщей свободы и всеобщего равенства — исторического происхождения и является теоретическим отражением товарного производства. При товарном хозяйстве, при товарно-денежных отношениях товаропроизводители выступают как формально равные и свободные. Личная несвобода, отношения личной зависимости, характерные для феодального общества, — все это отрицается товарным производством, заменяющим личные отношения денежными отношениями. На этой почве вырастает идея всеобщей (ибо товарные отношения охватили все страны мира) свободы и всеобщего равенства.

Буржуазное государство признало естественные права человека, потому что человек-то этот был особым человеком, человеком определенной эпохи, точнее, человеком определенного класса — капиталистом, действующим в сфере гражданского общества². Человек-капиталист действительно предшествует буржуазному государству, ибо он возникает еще в недрах феодального общества и государства. Еще при феодализме складываются капиталистические общественные отношения и вырастает человек-капиталист. Его права попираются или во всяком случае не гарантируются феодальным режимом. Он ищет выхода из этого «естественного», т. е. необеспеченного состояния, стремится создать государство по своему образу и подобию, т. е. капиталистическое государство. Рожденное в огне революции, буржуазное государство тотчас же признало права человека-буржуа естественными и неотчуждаемыми.

Буржуазное государство санкционировало права гражданина потому, что гражданин-то этот — особый гражданин, т. е. активный строитель и организатор государства — капиталист, действующий в сфере политической жизни. Буржуа-есть истинный гражданин. Как рабовладелец считал человеком и гражданином в истинном смысле лишь рабовладельца, а феодал — лишь феодала, так и буржуа лишь себя считает естественным человеком и единственным полноценным гражданином.

Таким образом, индивид — человек и гражданин, — о котором говорили теоретики естественного права, был в действительности индивидом определенной общественной эпохи, более того, индивидом конкретного класса. А это значит, что теоретики, превращая отношения данных определенных индивидов в отношения индивидов вообще, в мышлении сходили с реальной исторической почвы на почву вымышленную. В этом их серьезная ошибка.

Рассмотрим вопрос о понятии естественного и позитивного права. Выражение «естественное право» употребляется в буржуаз-

¹ Гегель, *Соч.*, т. IX, стр. 50—51.

² Под человеком капиталист понимает «только буржуа, обладателя буржуазной собственности» (Маркс и Энгельс, *Соч.*, т. V, стр. 498).

она не замечает того, что человек воздействует на природу, изменяет ее и создает себе новые условия существования.

Действительно научную теорию происхождения государства и права дает марксизм-ленинизм. Маркс, писал Энгельс, «при исследовании всякого предмета изучал его историческое происхождение и его предпосылки»¹. Исследование происхождения государства — необходимый элемент научного, всестороннего и глубокого познания его. Не уяснив генезиса государства, нельзя понять ни классовой сущности, ни функций, ни признаков его.

Марксизм-ленинизм объясняет государство в связи с теми условиями, которые породили его и которые определяют его характер и развитие. Ему чужда «гипотеза» о божьих и изобретателях государства и права.

Да и практическое значение правильного разрешения проблемы исключительно велико. Изучив причины, вызывавшие к жизни государство, мы получаем для своей общественной деятельности великое духовное оружие — знание, при каких обстоятельствах государство станет ненужным для общества. А это освещает путь нашей общественной практике².

С самого начала нужно заметить, что многочисленные современные государства и государства, уже не существующие, возникли при разных предпосылках. В своей блестящей лекции «О государстве» Ленин говорил: «Мы имеем в истории человечества десятки и сотни стран, переживавших и переживающих сейчас рабство, крепостничество и капитализм. В каждой из них, несмотря на громадные исторические перемены, которые происходили, несмотря на все политические перипетии и все революции, которые были связаны с этим развитием человечества, с переходом от рабства через крепостничество к капитализму и к теперешней всемирной борьбе против капитализма, — вы всегда видите возникновение государства»³.

Рабовладельческие государства появились при условиях, значительно отличных от исторических условий появления феодальных и тем более буржуазных государств. Даже а priori можно сказать, что возникновение советского государства, являющегося отрицательным буржуазного государства, не может не отличаться самым существенным образом от образования всех упомянутых государств. Тем не менее можно указать одну общую для всех государств причину их появления. Это разделение общества на классы и классовая борьба. Классы и классовая борьба — решающая предпосылка возникновения и существования государств⁴.

Но что такое классы? Основным признаком различия между классами является их место в общественном производстве, а следовательно, и их отношение к орудиям и средствам производства. Ленин учил: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»⁵.

Это определение классов дано применительно к классам рабовладельческого, феодального и буржуазного общества, состоящий из двух основных групп населения, из которых одна присваивает себе труд другой в рабовладельческом обществе — рабовладельцы и рабы, в феодальном — помещики и крестьяне, в буржуазном — капиталисты и пролетарии. Таковы противоположные или антагонистические классы. Общественная группа, могущая жить за счет труда другой, — это рабовладельцы, феодалы-помещики или капиталисты. Она господствующий или командный класс, т. е. класс, осуществляющий государственное руководство всем обществом. Она представляет данную систему общественного производства, владеет всеми или во всяком случае основными и решающими орудиями и средствами производства, извлекает максимальную выгоду из существующего порядка распределения общественного дохода и экономически господствует над противоположной общественной группой, которая и есть угнетенный и эксплуатируемый класс.

На основе раскола общества на враждебные классы возникает государство и право. Они появляются для того, чтобы держать в узде большинство — эксплуатируемый класс — населения в интересах меньшинства — эксплуататорского класса. Они являются орудиями политического господства меньшинства над большинством.

Вне общества, разделенного на классы, появление государства и права невозможно.

Государство возникает в обществе тогда, когда в нем появляются классовые противоречия.

В этом случае внимание обращается на обстоятельство времени («тогда, когда»). Государство не появляется внезапно, в законченном виде. Оно возникает и развивается лишь постольку,

во сколько-нибудь значительную обстановку, которая может оказывать значительное влияние на рождение и развитие государства. Так, за последнее столетие отмечен огромный рост государственного аппарата (армии, чиновничества и т. д.) во всех капиталистических странах. И объясняется это обострением не только во всех капиталистических странах, но и во внешних противоречиях, в обостренности классовых (т. е. внутренних) противоречий, борьбой между империалистическими странами за передел мира. Некоторый же государства являются искусственными сооружениями империалистических государств и часто играют роль буфера.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 387.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 260.

² При решении вопроса о судьбе нашего государства принимается во внимание капиталистическое окружение.

³ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 368.

⁴ На возникновение каждого отдельного государства оказывают то или другое влияние и другие причины, но они не решают дела. В частности, нужно отметить

поскольку обостряются классовые противоречия. Оно возникает по мере упрочения деления общества на классы и в целом классового господства. Эту зависимость появления (и развития) государства и права от остроты и напряженности классовых противоречий («поскольку, поскольку») надо всегда иметь в виду. Государство порождается разделимым обществом на классы с объективно-непримиримыми противоречиями «По Марксу, государство не могла бы ни возникнуть, ни держаться, если бы возможно не была бы ни возникнуть, ни существовать различные общественные отношения государства. Известны буржуазные и оппортунистические теории, отрицающие классовые противоречия или признающие классовые противоречия, но стремящиеся изобразить государство в качестве органа примирения классов. Однако, независимо от субъективной оценки классовых противоречий, они объективно непримиримы».

Отдельные буржуазные ученые — философы, экономисты, историки, юристы — подметили и описали противоречивое развитие общества. Так, буржуазные экономисты заметили экономическую основу существования классов в буржуазном обществе. В этом отношении выделяется Рикардо. «Продукт земли, — писал он, — все, что получается с ее поверхности путем соединенного приложения труда, машины и капитала, делится между тремя классами общества, а именно: земледельцами, собственниками денег или капитала и рабочими, трудом которых она обрабатывается»¹. Видя противоположность между упомянутыми классами, Рикардо, как и ряд других буржуазных экономистов, считал ее непреодолимой и естественной. Он, отмечал Маркс, «... в конце концов сознательно берет исходным пунктом своего исследования противоположность классовых интересов, заработной платы и прибыли, прибыли и земельной ренты, главным образом рассматривая эту противоположность как естественный закон общественной жизни»².

Факт разделения общества на классы признавали и французские историки времен реставрации — Гизо, Тьерри, Минье. Они рассматривали борьбу классов как основу всех политических событий и довольно ярко изобразили историческое развитие классовой борьбы. Но они не доводили признания классовой борьбы до логического конца, т. е. до признания диктатуры пролетариата, и не допускали самую возможность уничтожения классов, считая разделение населения на классы неизменным состоянием общества. Эти историки старались доказать, что с победой буржуазии пад феодальной аристократией наступает социальный мир, что классовые противоречия в капиталистическом обществе примиримы.

Критикуя Бенгэма, пытавшегося примирить общие и частные интересы на почве частной собственности, Энгельс писал:

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 372—373.

² Д. Рикардо, Собр. соч., т. I, 1806, стр. 2.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 12.

«Бенгэм делает здесь в своей эмпирии ту же ошибку, какую Гегель сделал в теории; он не посвящает достаточно внимания преодолению противоречий, поднимает субъект предикату, целое — части и этим опрокидывает все вниз головой»¹.

Мелкобуржуазные социалисты, как, например, Прудон, негодую по поводу противоречий буржуазного общества, не думали об уничтожении их источника — капиталистического строя. Прудон хотел примирить эти противоречия. «Желая примирить противоречия, Прудон даже не задает себе вопроса — в не было ли преобразовать самую основу этих противоречий?» (Маркс)².

Марксистско-ленинская теория происхождения государства и права исходит из того, что 1) коренным противоречием в развитии общественной жизни является противоречие между производительными силами и, не соответствующими им производственными отношениями, 2) это противоречие лежит в основе конфликтов и столкновений между различными общественными классами одной нации и между различными нациями, 3) социальные противоречия могут быть разрешены практической и насильственной деятельностью масс.

Противоречивость в развитии самой основы общества заключается в противоречии между производительными силами, непрерывно растущими и изменяющимися, и производственными отношениями, которые в течение более или менее продолжительного времени остаются неизменными. На определенной степени развития производства производительные силы вступают в столкновение с производственными отношениями, внутри которых они ранее развивались. Это столкновение является экономической борьбой социальной революции, основная задача которой состоит в том, чтобы заменить устаревшие производственные отношения новыми, соответствующими новым производственным силам. Маркс писал, что с изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. Вот почему противоречия между производительными силами и производственными отношениями составляют самый глубокий корень всех социальных конфликтов и столкновений.

Преодоление самых резких и острых общественных противоречий означает уничтожение классов и эксплуатации человека человеком. Это главная цель рабочего движения. Не «уравнение классов», как проповедывали всякого рода буржуазные реформисты, а уничтожение их. Лозунг политического, экономического и социального уравнения классов буржуазного общества противоречит полному освобождению пролетариата и сводится к требованию гармонии капитала и труда, подчинения труда капиталу.

«Пролетариат и богатство — противоположности. Как таковые, они образуют одно целое. Оба они — формы существования частной собственности. Дело только в том определенном положении,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. II, стр. 365.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 30.

которое каждый из этих двух элементов противоречия занимает в целом. Недостаточно объявить их двумя сторонами целого.

Частная собственность как частная собственность, как богатство, вынуждена сохранять свое собственное существование, а потому и существование своей противоположности — пролетариата. Это — положительная сторона противоречия, удовлетворенная сама в себе частная собственность.

Напротив, пролетариат как противоположность его противоположного самого себя и тем самым и обуславливающую его противоположность, делающую его пролетариатом, — частную собственность. Это — отрицательная сторона противоречия, его беспокойство внутри себя, упреждающая и упреждающая себя частная собственность»¹.

Маркс и Энгельс показали, что в пределах указанного противоречия частной собственности представляет собой консервативную сторону. Он заинтересован и сохранении капиталистического общественного строя во что бы то ни стало. Отсюда его приспособленность и способность к уступчивости (отсюда реформы сверху) своему противнику, когда тот силен. Что касается пролетариата, то он представляет собой разрушительную сторону, так как от него исходит действие, направленное на уничтожение указанного противоречия. Отсюда революционность пролетариата. «Пролетариат приводит в исполнение приговор, который сама себе выносит частная собственность порождением на свет пролетариата, точно так же, как он приводит в исполнение приговор, который сам себе выносит взятый труд производством чужого богатства и собственной нищеты. Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упреждая самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезают как сам пролетариат, так и обуславливающая его противоположность — частная собственность»².

Опыт нашего советского государства полностью подтверждает теоретическую установку Маркса и Энгельса.

В Советском Союзе уже нет этой противоположности. Здесь отменена капиталистическая и вообще всякая частная собственность, основанная на чужом труде, и создана общественная, социалистическая собственность на все основные и главные орудия и средства производства. Здесь ликвидирован класс капиталистов, а также все другие эксплуататорские классы. Класс пролетариев, завоевав свое политическое господство и революционно преобразовав старое, капиталистическое общество, основанное на антагонизме пролетариата и богатства (буржуазии), в новое, социалистическое общество, свободное от антагонистических противоречий, уничтожил свою противоположность — класс капиталистов — и таким образом сам перестал быть тем, чем он был при капитализме. «Про-

летариат есть класс, лишенный орудий и средств производства при системе хозяйства, когда орудия и средства производства принадлежат капиталистам и когда класс капиталистов эксплуатирует пролетариат. Пролетариат — это класс, эксплуатируемый капиталистами. Но у нас класс капиталистов, как известно, уже ликвидирован, орудия и средства производства отобраны у капиталистов и переданы государству, руководящей силой которого является рабочий класс. Стало быть, нет больше класса капиталистов, который мог бы эксплуатировать рабочий класс. Стало быть, наш рабочий класс не только не лишен орудий и средств производства, а наоборот, он ими владеет совместно со всем народом. А раз он ими владеет, а класс капиталистов ликвидирован, — исключена всякая возможность эксплуатации рабочего класса. Можно ли после этого назвать наш рабочий класс пролетариатом? Ясно, что нельзя. Маркс говорил: для того, чтобы пролетариат освободил себя, он должен разгромить класс капиталистов, отобрать у капиталистов орудия и средства производства и уничтожить те условия производства, которые порождают пролетариат. Можно ли сказать, что рабочий класс СССР уже осуществил эти условия своего освобождения? Безусловно можно и должно. А что это значит? Это значит, что пролетариат СССР превратился в совершенно новый класс, в рабочий класс СССР, уничтоживший капиталистическую систему хозяйства, утвердивший социалистическую собственность на орудия и средства производства и направляющий советское общество по пути коммунизма.

Как видите, рабочий класс СССР это — совершенно новый, освобожденный от эксплуатации, рабочий класс, подобный которому не знала еще история человечества»³.

Современное советское общество состоит из рабочего класса, класса крестьян, ставшего за годы советской власти совершенно новым крестьянством, подобного которому еще не знала история человечества, и интеллигенции, которая так же, как рабочий класс и крестьянство, претерпела большие изменения, превратившись в совершенно новую трудовую интеллигенцию, подобно которой не было и нет ни в одной стране земного шара. Величайшие изменения, происшедшие в области классовой структуры советского общества, сблизив рабочих, крестьян и интеллигенцию, создали решающие предпосылки для окончательного стирания экономических и политических противоречий между ними.

Итак, государство возникает там, тогда и настолько, где, когда и поскольку классовые противоречия не могут быть объективно примирены. Таково общее содержание марксистско-ленинской теории происхождения государства.

Возникновение государства и его предпосылки неодинаковы в различных классовых обществах. Если решающими предпосылками

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. III, стр. 54—55.
² Там же, стр. 55.

³ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. II, стр. 510—511.

для возникновения и существования рабовладельческого государства являются появление рабовладельческой собственности и разделение общества на рабов и рабовладельцев, то в такой же степени определяющими предпосылками для возникновения феодального государства являются: появление феодальной собственности и разделение общества на класс феодалов и класс крепостных крестьян, и для буржуазного государства — появление капиталистической собственности и разделение общества на класс капиталистов и класс пролетариев. Вот почему необходимо отдельно исследовать возникновение государства в каждом классовом обществе, т. е. в рабовладельческом, феодальном и буржуазном обществе, а также в обществе переходном от капитализма к коммунизму¹.

Установление и глубокое обоснование зависимости возникновения и существования государства от классов и классовой борьбы составляет характерную черту марксистско-ленинской теории происхождения государства, теории, означавшей отрывкий шаг вперед по сравнению с буржуазными и добуржуазными многочисленными учениями о происхождении государства.

IV

Вопрос о государстве, вышедший, по выражению Ленина, «из-под всех политических вопросов и всех политических споров современности»², сам по себе относится к числу самых сложных и трудных социальных проблем. Вместе с тем он усложнен и запутан идеологией эксплуататорских классов, особенно буржуазии. В лекции «О государстве», прочитанной в 1919 г., Ленин говорил, что вопрос о государстве едва ли не более всего запутан буржуазными учеными, писателями и философами. Ленин вскрыл как гносеологические, так и социальные корни этого явления. Дело в том, что буржуазные авторы дают, как общее правило, идеалистическое толкование вопросу о государстве и пользуются обычно формально-логическим методом, приводящим к односторонности и поверхностности суждений о предмете. В своем фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин писал, что «... философский идеализм есть о н о с т о р о н н о е, преувеличенное, *Überwiegendliches* ... разделение (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, границ познания в абсолюте, оторванный от материи, от природы, обожествленный». И дальше: «Познание человека не есть (... не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее закрепляет классовый интерес господствующих классов). Прямодлинейность и односторонность, деревянность и охотенелость, субъективизм»³.

¹ Это не входит в нашу задачу.

² В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 374.

³ Срезневское, беспредельное. — А. Д.

субъективная слепота *voilà!* гносеологические корни идеализма»⁴. Запутанность вопроса о государстве имеет и социальные корни. Поскольку указанный вопрос «... затрагивает интересы господствующих классов больше, чем какой-нибудь другой вопрос»⁵, он трактуется буржуазной наукой с точки зрения, выгодной и удобной буржуазии. Стало быть, безусловным интересам буржуазии, как господствующей при капиталистическом общественном и государственном строе класса, соответствует увековечивание бессмысленной путаницы в таких вопросах, как вопрос о государстве.

Иначе объясняют запутанность проблемы государства буржуазные государствоведы, правоведы, философы, публицисты. «Определения сущности государства до настоящего времени неудачны...», — пишет А. Д. Градовский. — «Один представитель науки за другим данали свои определения, одна школа за другою схоластически поирница науки, передавал тот же неразрешенный вопрос своим преемникам. История этих попыток представляет поучительный пример бессилия человеческого ума проникнуть в вопросы, недоступные истинно и единственно научному методу, наблюдению и опыту»⁶. Градовский считает, что рабовладельческая эпоха в лице Платона, Аристотеля, Цицерона выжила до некоторой степени вопрос о назначении рабовладельческого государства, о технических функциях органов государственной власти и о соотношении различных органов государства, а также оставила до известной степени систематизированный материал, относящийся к устройству отдельных рабовладельческих государств. Но она не дала определения государства вообще и рабовладельческого в частности, не вскрыла действительной природы государства. Проблема сущности таинственного учреждения, называемого государством, перешла в феодальную эпоху. Ученые гернода возрождения пытались вскрыть сущность государства, пользуясь наследием так называемой классической древности, особенно системы римского права, а также математическим методом, единственно развитым в то время. Эти ученые выводили свои представления о государстве из понятия человека, отвлеченного от конкретно-исторической ситуации. Однако казавшееся всемогущество математического метода, овладевшего сильнейшими умами своего времени, очень скоро в бессилии остановилось перед вопросом о сущности государства. Математический метод вычеркивает историю, игнорирует идею развития. А без этого нельзя познать государство. Как бы чувствуя бесплодность применения к государствоведению математического метода и не находя другого, Декарт набрызг отказался заниматься наукой о государстве. Маккиавелли задолго до Декарта, исследуя государство, пытался обойтись без математических абстракций и создать учение

⁴ Там же. — А. Д.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. XIII, стр. 314.

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 364.

⁷ А. Д. Градовский, Собрание сочинений, т. I, С. Петербург, 1898.

в государстве путем возведения в теорию практики современных ему государств. «С одной стороны, сильнейшее философское понятие, с другой — полусырой материал, не соединенный между собой никаким живым органическим учением...»¹. Так характеризует Градовский состояние государственоведения на исходе XVII в.

Другой дореволюционный ученый Коркунов, отмечая обилие самых разнообразных и противоречивых определений государства, данных политической, философской и юридической литературой, видит причину этого явления «...в стремлении дать определение, которое послужит основанием для дедуктивного построения всего учения о государстве»². Определение, говорит он, должно указывать лишь общие признаки государства. Отсутствия от этого и привела к определению гиперболическое значение, многие философы, политики и юристы стараются в определении дать возможно полную характеристику государства, предприняв при этом многие спорные проблемы. Более того, иногда определению ставят неподходящую ему задачу, включая в него не только признаки государства, но и то, каким должно быть идеальное государство, по мнению данного мыслителя³. «Итак, первую причину существования разнообразных определений государства следует признать, неправильный прием определения, превращающий определение государства в суждение о нем»⁴. Вторую причину Коркунов видит в том, что долгое время государство отождествляли с обществом, считая государство единственной формой человеческого общения. Этим объясняется, почему в старых определениях не указывались признаки, которыми государство отличается от других форм человеческого общения.

Однако и после того, как было замечено несоответствие государства и общества, буржуазная общественная наука оказалась бессильной познать сущность и специфические признаки государства, какими оно отличается от общества и от добровольных общественных организаций. Характерной чертой многих определений государства, данных буржуазной юридической наукой, является их несоответствие реальному государству. Если в действительности государство есть машина для учета одного класса другим, то в теоретическом изображении буржуазных авторов оно очень часто

¹ А. Д. Градовский, Собрание сочинений, т. I, С. Петербург, 1889, стр. 5—7.

² Коркунов, Русское государственное право, т. I, 1914, стр. 1.

³ Это подчеркнул в Гемиллане. «В определении, — писал он, — изображают не то, что представляло и представляло бы себя в действительности государство, а то, чем оно должно быть по субъективному взгляду, по субъективной точке зрения, желания и идеалу каждого отдельного государственоведа, политика и философа. Эта тенденциозность в определении государства особенно сильно просветилась в XIX столетии. Всякая политическая партия искала, как должна, свое собственное определение государства, такое, в котором она закрепляла свои желания и требования и стремилась лишь к тому, чтобы согласно с ними было образовано данное государство» (Д. Гужинский, Общее учение о государстве, 1910, стр. 36—37).

⁴ Коркунов, Русское государственное право, т. I, 1914, стр. 3.

представляется либо как несовершеннолучшее общеное свободных людей для общей пользы под защитой законов, цель которого — охрана собственности, либо как принудительная власть. Но если при рассуждении, государство есть принудительная власть, то логически кричащем противоречии с историческими фактами. Нам известна, что при первобытно-общинном строе не было государства, а когда оно будет построено во всем мире, государство отойдет. Это не значит, что коммунистическое общество не будет иметь соответствующих отрядов, в специализатах по управлению людьми, в вооруженных разрядывательных органах. Таким образом, тезис, что специфическим признаком государства является принудительная власть, совершенно ошибочен. Ленин назвал эту точку зрения «профессорской». И это неслучайно. Буржуазная ученая литература наполнена до предела рассуждениями о принудительной власти как о признаке государства. Стремление затуманить классовый характер государства (особенно буржуазного), буржуазные авторы истолковывают принуждение в чисто психологическом смысле. Известный русский юрист Лазаревский писал, что для власти и подчинения необходимо сознание властвующих, что они имеют право на повиновение и сознание подчиненных, что они обязаны повиноваться. По его убеждению, которое является общим для многих буржуазных ученых, власть государства основана на общем убеждении граждан, что данная власть имеет право на издание обязательных для всех подданных законов и иных нормативных актов.

«Меры государственного насилия и принуждения, — говорит академик Вышинский, — являются необходимыми свойствами государственного управления. Нет государства без того, чтобы оно не обладало принудительной силой и материально-организационными средствами для принуждения к выполнению закона».

Однако это не дает никаких оснований смешивать все системы, типы и самые принципы государственного управления в одну кучу. Мало сказать, что принуждение — естественное средство воздействия в любом государстве. Важно не упускать из виду те цели и задачи, во имя достижения которых применяется принуждение, а также в то, какой класс и против какого класса применяет насилие (принуждение). Это — важнейшее обстоятельство, в корне отличающее одну систему государственного управления от другой, один тип государства от другого типа государства¹.

Буржуазная наука не знает объективной закономерности развития в целом и каждой общественно-экономической формации в отдельности, а стало быть, и не имеет такого объективного критерия

¹ В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 290—291.

² Акад. А. Я. Вышинский, Советское государство и Отечественная война, Госполитиздат, 1944, стр. 25—27.

другим, каким они являются в действительности. Только суверенная государственная власть имеет право чеканить монету, отправлять судебную деятельность, призывать людей в армию, решать вопросы войны и мира, назначать высших сановников. Монарх, будучи источником закона, не подчинен закону. Такова специфика абсолютной монархии. Монарх сдерживается лишь естественным нравом, указывающим на необходимость ограниченного налогового обложения граждан. В этом, между прочим, сказывается буржуазный характер учения Бодена об абсолютной монархии. Экономическая сальважорская буржуазия не могла примириться с безграничными казнями обложенными, с неограниченной выкачкой средств из ее кармана. Она требовала, и это требование теоретически обосновывает Боден, чтобы установление налогов происходило с учетом воли населения, точнее его буржуазной части.

Оригинальное учение о государственной власти дано в трудах Руссо, создавшего теорию народного суверенитета. Суверенитет отличается, по Руссо, осуществлением общей воли. Особое внимание обращает Руссо на его признаки. «Я утверждаю, — писал он, — что суверенитет, будучи только осуществлением общей воли, не может никогда отчуждаться и что суверен, будучи не чем иным, как коллективным существом, может быть представлен только самим собой; власть может, конечно, передаваться, но не воля»¹. По тем же основаниям суверенитет неделим. Суверенная власть — власть абсолютная. «Как природа дает каждому человеку абсолютную власть над всеми его членами, так и общественный договор дает политическому организму абсолютную власть над всеми членами последнего; эта-то власть, управляемая общей волей, называется, как я уже сказал, суверенитетом»². По Руссо, суверенитет — осуществление общей воли. Это значит, что общая воля привела к образованию государства. Государство создано сознательными договорными действиями людей. Отсюда право судить о степени выполнения общественного договора принадлежит только народу, ибо его воля — высшая власть. Суверен — коллективное существо; он может быть представлен только самим собой и, следовательно, не может быть отчуждаем. Суверен — существо собирательное. Он-то как раз и представляет собой осуществление общей воли. В связи с этим Руссо выступал против системы представительства, против принципа отчуждаемости суверенитета. «Суверенитет не может быть представлен по той же самой причине, по которой он не может быть отчужден. Он заключается исключительно в общей воле, а воля не может быть представлена: это или та же самая воля, или другая; середины здесь нет»³. Это положение Руссо было направлено своим острием против абсолютной монархии. Руссо критиковал Гуго Гро-

ция, считавшего, что народ может передать суверенитет королю. Суверенитет народа, по Руссо, обеспечивается тем, что народ, собираясь на общие собрания, должен прежде всего решить два вопроса: «угодно ли суверену сохранить существующую форму правительства» и «угодно ли народу оставить управление в руках тех, на которых оно теперь возложено»⁴.

Руссо доказывал, что суверенитет неделим. Его нельзя принадлежать народу. Руссо допускал существование исполняющей власти, но только как подчиненной народу и отвечающей перед ним. В противоположность Локку и Монтескье он считал, что нельзя делить суверенитет на власть законодательную, исполнительную и судебную. Таким образом, если Боден переносил суверенитет свойством народа.

Теория народного суверенитета была подвергнута критическому исследованию. Ей была противопоставлена теория парламентского (Блекстон и В. Констан) и теория государственного суверенитета (Гегель). По мнению Блекстона, суверенитет заключается в законодательной, верховной и самодержавной власти парламента⁵. Гегель (1770—1831) непоследовательно пытался соединить суверенитет народа с суверенитетом короля. Он идеализировал суверенитет. Руссо, как это отмечалось, считал, что свобода является природным правом человека и что она предшествует образованию государства. Гегель критиковал этот пункт теории Руссо. Он говорил, что настоящая свобода невозможна вне и до государства. «Свобода, которой обладают по природе, зачаток свободы, не есть действительная свобода, ибо только государство есть осуществление свободы»⁶. Гегель признавал несостоятельным взгляд Руссо на образование государства посредством соглашения, общественного договора. Он писал, что «всеобщую волю не следует рассматривать как составную из яви единичных волей, так что последние остались бы абсолютными; в противном случае было бы верно положение: где меньшинство должно подчиняться большинству, там ит свобода». Всеобщая воля должна, наоборот, быть разумной волей, хотя бы это и не сознавалось ясно; государственно, следовательно, не есть такое объективное единение, которое было решено произволом отдельных лиц»⁷.

Признав государство высшей формой проявления объективного духа, Гегель доказывал, что суверенитет является принадлежностью этой формы. Но Гегель считал монархическое государство высшей формой государства. Поэтому он не решает проблему суверенитета, отвлекаясь от монарха. Отнюдь неслучайно он то-

¹ Руссо, Об общественном договоре, 1938, стр. 21.
² Там же, стр. 25.
³ Там же, стр. 82.

⁴ Руссо, Об общественном договоре, 1938, стр. 83.
⁵ Это учение изложено Блекстоном в работе «Исторические записки о законе».

⁶ Гегель, Соч., т. XI, стр. 390.

рми о суверенитете народа лишь в связи данного государства и иностранными государствами, и только в том случае, когда народ, имеющий собственного короля, должен решить спор суверенитетом. Гегель не последователен. «Если князь, — критиковал его Маркс, — есть «подлинный суверенитет государства», то он и по отношению к внешнему миру должен был бы быть признан «самостоятельным государством» даже независимо от народа. Если же князь суверенен постольку, поскольку он представляет единство народа, то он сам только представитель, символ суверенности народа. Суверенитет народа не есть тогда производное от суверенитета князя, а, наоборот, суверенитет князя имеет своим источником суверенитет народа»¹.

Позднее понятие суверенитета, как обязательного отличительного признака государственной власти, было отвергнуто немецкой школой юристов. Лабанд, Еллингк и др. допускали существование несuverенного государства, в частности государства, являющегося членом федерации или союзного государства. Гуго Грейс, Н. М. Коркунов и некоторые другие вовсе отвергали понятие суверенитета. По их представлению, каждое государство в действительности ограничено и обусловлено зависимостью его от международных связей и от разнообразных обществ, из которых оно само складывается. Следовательно, нет государства, обладающего безусловной властью. С их точки зрения, действительным специфическим признаком государства является то, что только оно самостоятельно осуществляет принудительную власть. Все другие общественные союзы осуществляют принудительную власть в определенной норме и только по уполномочию и под контролем государства.

Коркунов пытался ввести психологическое обоснование власти в русскую дореволюционную науку государственного права. Власть не есть единая властвующая в государстве воля. Этот его тезис был направлен против конструкции государства как юридического лица². Она не есть также вообще проявление воли, ибо властвовать могут не только живые, но и умершие люди, а также воображаемые существа, отвлеченные идеи, которые никакой воли не имеют. Что же такое власть? Властвующее само по себе, пишет Коркунов, есть нечто влечное, так как оно создается сознанием зависимости, представляющим из себя первоначальное человеческое переживание. Общественная власть выступает в различных формах. Церковь, семья, община, государство и вообще всякое непроизвольное общество властвует над своими членами. Чем же отличается от других форм власти власть государственная? Государственная власть — сила, обусловленная общими сознанием. Она проявляется с особой яркостью и дает себя чувствовать особенно сильно. Госу-

дарство — это по преимуществу властвующий общественный союз, монополист принуждения. В этом его специфика. Такова точка зрения Коркунова³. Свою теорию власти автор излагает в связи с конструкцией государства как юридического отношения. Коркунов собою самостоятельное, признанное (установившееся), принудительное властвование над свободными людьми⁴.

Против психологизма в государстве и праве энергично возражал Кельзен, по мнению которого юридическая воля — лишь нормативная конструкция, подлежащая обоснованию⁵. Этот взгляд Кельзена вытекает из того, что последний резко ограничивает юриспруденцию областью должного и не считает сущее предметом ее.

В настоящее время наибольшее распространение получило убеждение, что власть — абстрактная воля самого государства, как особой личности. Эту господствующую в буржуазной литературе концепцию государственной власти можно формулировать следующим образом: государственное властвование — это проявление господствующей в государстве единой или общей воли. Этой теории государственной власти предшествовало учение, признававшее первенство не за волей, а за разумом (учение Сократа, Платона, Аристотеля, Цицерона и их сторонников). Если государственная власть есть проявление воли, то встает вопрос — чья воли? Лоренц Штейн и Лабанд, развившие учение о государстве, как волеспособной личности, считали, что власть — проявление общей воли государства, как именно особой, самостоятельной личности, наделенной единой волей. Штейн различал в личности три элемента: я, волю и действие и находил, что в государстве, как личности, эти элементы получают обособленное бытие: я — это монарх, воля — это законодательство, действие — это управление. Что касается Лабанда, то он считал государство ю р и д и ч е с к и м л и ц о м, сводя самое понятие юридического лица к правоспособности. Это понимание государственной власти вызвало серьезные возражения. Так, Зейдель считал, что государство не субъект власти, а ее объект. Субъектом же власти, по его убеждению, является глава государства — президент или монарх. С этой точки зрения, еще более ошибочной, чем та, против которой она заострена, госу-

¹ Н. М. Коркунов, Указ и закон, стр. 133 и следующие; его же: Русское государственное право, изд. 6, т. I, стр. 23, Лекции по общей теории права, стр. 237—258.

² Несколько иначе определяет власть один из выдающихся представителей психологической школы права проф. Петражицкий. Для него она не воля, не сила и вообще не нечто реальное, а эмоциональная проекция, эмоциональная фантазма, т. е. особый вид приписываемых известным лицам прав (Теория государства и права, т. I, стр. 198).

³ Н. М. Коркунов, Лекции по общей теории права, стр. 240.

⁴ Kelsen, Hauptprobleme der Staatswissenschaftslehre, s. 43, 78 und 177; его же Grenzen zwischen juristischer und soziologischer Methode, s. 58.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 551—552.
² Критика обратила внимание на этот пункт учения Коркунова и выказалась в том смысле, что никак нельзя обойтись без вымышленного государства как субъекта права в международном праве и при федеративном государственном устройстве.

дарственная власть определяется как воля единоличного главы государства. Но и это представляло настолько неудовлетворительное, что оно рухнет под ударами хотя бы таких фактов, как факт отсутствия в ряде государств единоличного главы государства.

Только марксистско-ленинская теория вскрыла сущность и признаки государства. Согласно этой теории, государство — одна из организаций классового общества. Однако не всякая организация организаций классового общества каждая социальная группа для является им. В классовом обществе каждая социальная группа для отстаивания своих интересов и осуществления своих целей стремится к всестороннему и полному объединению своих членов, ибо, как убеждает опыт классовой борьбы, организация умножает силу. В классовом обществе имеются разные организации — экономические (например, тресты, синдикаты, картели), политические (например, партии), культурные, спортивные, религиозные и иные. Среди всего этого многообразия организаций, отличающихся друг от друга своим классовым содержанием, своим характером и назначением (экономические, политические, культурные и другие организации), а также своими организационными принципами и формами, есть та, которую принято называть государством.

Какова ее сущность? Это политическая или классовая организация. Ленин часто ставил знак равенства между словами «политический» и «классовый». Так, объясняя, что значит «политическое», он писал: «Политическое, то-есть классовое»¹. Как политическая организация государство отличается от всякого рода экономических, культурно-просветительных и т. п. общественных, полубытовых объединений. Но государство не единственная политическая организация. А это значит, что не всякая политическая организация представляет собой государство. Бывают же политические организации угнетенного класса, как, например, пролетариата в буржуазном обществе, которые ни в коем случае нельзя назвать государством. Государство как политическая организация господствующего класса подпадает под указанный класс и все его организации, в том числе и политические. Однако и не каждая политическая организация господствующего класса есть государство. Так, различные партии буржуазии (к слову сказать, республиканцы и демократы в США), будучи политическими организациями, не являются буржуазным государством. Один и тот же господствующий класс эксплуататорский может иметь несколько партий в пределах одного государства. Партия господствующего класса есть часть класса. Государство же является организацией всего господствующего класса данной страны или данного общества. В таком случае, какая же организация может быть признана государством? Это политическая организация господствующего класса, то есть «машин для поддержания господства одного класса над другим»².

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXII, стр. 26.

² Там же, т. XXIV, стр. 369.

Сила этого класса умножается благодаря тому, что он держит в своих руках государство. Без этого он не мог бы удерживать связи с конкретными классами, например классами буржуазного общества (или какой-либо капиталистической страны) при рассмотрении аспекта исследования государства, ибо раскол общества на классы привел, как было отмечено, к возникновению государства, а изменение в классовом составе общества неизбежно вызывает соответствующие изменения государства, а ликвидация классов во всем мире сделает государство ненужным, и оно отомрет.

Точный учет реального соотношения сил, отношений между классами — это «...то коренное и основное, без чего нет марксизма»³. Отношение между враждебными классами может быть выражено словами: непримиримая классовая борьба. Борьба эта проявляется в трех следующих основных формах: политической (борьба за власть, за господство, за влияние на государственную власть, за политические свободы), экономической и идеологической.

В классовой борьбе государство выступает не в качестве беспристрастного судьи и не органом примирения классов, а орудием насилия одного класса над другим. Государством называется как раз тот особый аппарат⁴, посредством которого класс осуществляет свою диктатуру, т. е. не ограниченную никакими законами власть. Различные формы этого аппарата, которыми так богата история классового общества, не меняют его основной сущности, как именно орудия классового господства. По отношению к господствующему классу этот аппарат — послушный исполнитель его воли, управляющий его делами, защитник его интересов внутри страны и вне ее. К противоположному же классу он относится совершенно иначе — так, как это выгодно и угодно господствующему классу, интересы которого он представляет и защищает. А это значит, что государство — классовое государство, орудие господства класса. Эта его сущность изменится в зависимости от того, в руки какого класса государство переходит. Если государство находится в руках рабовладельцев, то оно рабовладельческое государство; если оно перешло в руки феодалов, оно стало феодальным; если им овладела буржуазия, оно превратилось в буржуазную организацию.

И действительно, возникнув много веков тому назад, государство развивалось, изменялось. Вначале оно подавляло класс рабов и защищало класс рабовладельцев. Затем оно представляло и защищало интересы помещиков, крупных землевладельцев, нещадно эксплуатировавших крепостное крестьянство. Позднее оно превратилось в организацию, стоящую на страже интересов фабрикантов, заводчиков, банкиров, одним словом, класса капиталистов. Таким

³ В. И. Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 268.

⁴ Там же, т. XXIV, стр. 365.

три типа эксплуататорских государств. «Государство было, — писал Энгельс, — официальным представителем всего общества, оно объединяло его в одной видовой организации, но оно исполняло эту роль лишь постольку, поскольку было государством того класса, который сам являлся представителем всего современного ему общества; в древности — государством граждан-рабовладельцев; в средние века — феодального дворянства; в наше время — буржуазии»¹.

Но государство может быть не только орудием подавления эксплуатируемого большинства, но и орудием подавления сопротивления эксплуатируемого меньшинства после того, как оно свергнуто рабочим классом, после того как к власти пришли трудящиеся — рабочие и крестьяне. Для того чтобы стать средством освобождения трудящихся, государство само должно быть революционно преобразовано в принципиально новое государство, и государство пролетарского типа. Государством этого нового типа была Парижская Коммуна 1871 г. и теперь является наше советское государство, созданное Великой Октябрьской социалистической революцией, которая уничтожила государство помещиков и капиталистов и передала власть в руки рабочих и крестьян.

Все сказанное приводит нас к заключению, что государство — политическая организация, служащая господствующему классу орудием подавления его противников. Такова его сущность.

Каждое государство — организация классового господства, состоящая из политической власти и территориального подразделения граждан. Это определение говорит о сущности государства и фиксирует отличительные его признаки — политическую власть и территориальное подразделение граждан. Политическая власть — главный *differentia specifica* государства. Она, как правило, власть экономически господствующего класса. «В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам как кажущаяся посредница между ними»².

Сила, на которую опирается классовое господство, состоит главным образом из особых отрядов вооруженных людей (войско и полиция), из судебных, разведывательных и иных учреждений. Совокупность этих органов образует государственный механизм. Этот механизм находится в зависимости от задач и функций государства, а эти последние — от классовой природы государства, от стадии его развития и от внутренней и внешней его обстановки. Следовательно, государственный механизм не является постоянной величиной. «Забвение марксистско-ленинской истины о

том, что государство — это вооруженные люди и «существенные придатки», учреждения, организации, органы, механизм, действующий по всем правилам государственной тактики и стратегии, подчиняющийся, так сказать, внутренне присущим законам развития, определяемого классовой структурой данного общества; забвение важнейшего вопроса вопросом абстрактно-идеологического порядка «явилось одной из причин извращения учения о государстве»¹.

Существенным признаком государства наряду с политической властью является разделение граждан по территориальному принципу. Организация людей по месту их жительства присуща всякому классовому обществу. В рабовладельческих Афинах люди делились по демам и филам, в царской России — по волостям, уездам, губерниям, в современной Франции — по округам и департаментам.

С разделением граждан по территориальному принципу связана дислокация государственного аппарата по всей стране в частности, в целях: 1) сосредоточения достаточного количества войск, полиции, чиновников всюду, где возможно движение сопротивления угнетенного класса; 2) защиты от внешнего нападения наиболее уязвимых границ и важнейших операционных баз.

В буржуазной юридической литературе государство изображается как сложное явление, состоящее из власти, населения и территории. При этом территория понимается либо как объект вещного права, либо как пространственные пределы государственной власти². Вопреки этому территория не является отличительным признаком государства. Она включается в совокупность материальных условий жизни людей, тогда как государство является политической надстройкой. Территория не только в географическом, но и в социологическом смысле этого слова существовала и до государства. Первобытные общины имели свою территорию. Это положение доказано А. Морганом в «Древнем обществе» и развито Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». На определенном уровне общественного развития, при победе коммунизма не только в нашей стране, но и во всех других странах государство отомрет, а территория останется. Что территория не является отличительным признаком государства, доказывается и тем, что существовали государства без точно очерченной территории, т. е. без строго размежеванных границ, и что в патриархальном государстве территория мало отличалась от других объектов собственности главы государства. Это ни в какой степени не умаляет той роли, которую играет в жизни государств территория. Она, в частности, как уже отмечалось, является объектом их внешней функции.

¹ А. Я. Вышинский, «Ленин — великий организатор советского государства», «Правда» от 22 апреля 1945 г.

² Территория — пространственное основание для существования власти государства (Г. Елдинек, Право современного государства, стр. 259).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 283—284.
² Там же, т. XVI, ч. 1, стр. 147.

Справедливо сказано, что «Вопрос о праве — его происхождение, содержание, формах, как и вопрос о соотношении права и государства, — один из самых запутанных и темных в буржуазной юриспруденции»¹.

Даже самый подход к определению права у буржуазных правоведов далеко не одинаков. Для одних вопрос об определении права сводится к дискуссии о терминологии. Как и этой связи не вспомнить исчисления Мефистофеля, говорившего своему ученику:

Коль скоро недочет в понятиях случится,
Их можно словом заманить.
Словами диспуты ведутся,
Из слов системы создаются.
Словак должны мы доверять:
В словах нельзя ни поты изменять.

Спорить о словах можно. Но дело не в словах, а в трактовке реальных явлений права.

Для других ученых вопрос об определении права — коренной для всей науки права, характер ответа на который предопределяет решение всех других вопросов этой науки. Это очевидная переосмысленная трактовка значения определения права. Нельзя забывать того, что всякое определение имеет ограничительное значение. «Определения не имеют значения для науки, потому что они всегда оказываются неудовлетворительными. Единственным реальным определением оказывается развитие самой сути дела, в оно уже не есть определение... Но для практического применения краткое указание наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков в так называемом определении часто бывает полезно и даже необходимо, и оно не может вредить, если только от него не требует, чтобы оно давало больше, чем оно может выразить» (Энгельс)².

Из всей запутанной башни самых различных определений права, данных буржуазными правоведками, нельзя назвать ни одного такого, которое бы пользовалось всеобщим признанием и являлось бы удовлетворительным. Это дало повод к сомнению в самой возможности научного определения права и к изображению определения права как сизифова труда науки. Отдельные буржуазные ученые стали говорить, что право, будучи само собою разумоощимся, таинственно и непознаваемо.

Нет необходимости и возможности останавливаться на многочисленных формулировках понятия права, данных буржуазной литературой. Для нашей цели достаточно рассмотреть правовые воз-

зрения немецкой философии в лице Канта, Фихте и Гегеля, оказавшие влияние на последующее развитие науки права.

Энгельс отметил, что в немецкой философии от Канта до Гегеля проследивается немецкий буржуазный обыватель так положительно, то отрицательно. Немецкий буржуазный обыватель — продукт исторического развития Германии. По сравнению с Англией и Францией и другими европейскими странами, вышедшими на широкую дорогу капиталистического развития и ставшими политически централизованными, Германия вплоть до второй половины XIX в. была экономически отсталой и политически разобщенной страной. Отсюда бессилье и подавленность немецких обывателей. На этой почве вырос специфический немецкий либерализм, сводившийся к пустому мечтанию о действительном либерализме революционных англичан и французов¹.

Вплоть до середины XIX в. общественное развитие Германии тормозили пережитки феодализма и крепостничества. Немская буржуазия, мечтая о своем экономическом и политическом могуществе, хотела бы ликвидировать эти пережитки. Но она, уже являвшаяся первым выступлением пролетариата, боялась революционных действий масс. Эта двойственность немецкой буржуазии отразилась на философии права Канта, Фихте и Гегеля.

«В учении Канта, Фихте, Гегеля имелись реакционные консервативные черты, на которые пыталась опереться последующая реакция. Понятно, что не эти стороны учения немецких философов имели значение для истории науки. Значение имела прогрессивная сторона немецкой философии XVIII и начала XIX в. — учение о диалектическом развитии мышления»².

* * *

В учении Канта о праве и государстве сказались все стороны его философской системы. В нем отразились недостатки кантовской теории познания, а именно: разрыв между формой и содержанием, сущностью и явлением, рассудком и чувственностью, примирение материализма с идеализмом (допущение «вещи в себе» и признание ее непознаваемости), а также отрыв слова от дела. Кант — родоначальник формалистического учения о нравственности и праве. Кант признал ограниченность разума, его неспособность познать сущность нравственности, права и государства. Отсюда агностицизм в философии мышления.

Кант являлся приукрашивающим выразителем интересов немецких бюргеров. В его философии дана та особая форма буржуазного либерализма, которая возникла и распространилась в Германии конца XVIII и начала XIX в. Характерной чертой этой формы является отрыв теоретических мыслей буржуазии от ее интересов

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 98 и 174.

² Г. Ф. Александров, История западноевропейской философии, 1946, стр. 357.

¹ А. Я. Вышинский, Вопросы государства и права у Локка и Стюарта. Журн. «Социалистическая законность» № 2 за 1939 г., стр. 24.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 352.

и жизни, обусловленных и определенных материальными условиями жизни буржуазии¹.

Кант анализу права предпосылает рассмотрение проблемы свободы и необходимости. Одно и то же действие может быть, по Канту, свободным и необходимым. Оно свободно с точки зрения трансцендентной (находящейся вне рода явлений, в необходимом разумной причине, находящейся вне рода явлений, в необходимом разумной причине, вытекающей из наличия в нашем уме Канту, приспичкой явлений, что вытекает из наличия в нашем уме императивов (правил должного, необходимого). Должное выражает возможное действие, основанием которого является только понятие. Человек, по Канту, имеет две стороны. С одной стороны, он оди из явлений природы, а следовательно, в нем строго обусловлено, согласно закону причинности, все физическое и психическое процессы. Ни одно действие в человеке не может начаться само по себе. С другой стороны, человек — нравственное существо и, стало быть, принадлежит к непознаваемому и сверхчувственному миру «вещей в себе», который причинно не связан, не обусловлен. Человек, в этом аспекте взятый, есть существо вполне свободное. (Это по Канту, сфера «практического разума»).

Может показаться, что Кант рассматривает необходимость и свободу как противоречие, свойственное реальному миру. Но это не так. Как правильно отмечено², у Канта противоречие между необходимостью и свободой не реальное, а мнимое, ибо стороны его лежат в разных плоскостях мира, свобода в мире noumenon, «вещей в себе», необходимость в мире явлений, а не в одном и том же отношении.

Нравственные законы, не имеющие в себе ничего эмпирического и являющиеся свободными, не зависящими от естественных законов, дает, по Канту, чистый практический разум.

Кант рассматривает нравственность изолированно от содержания. Для него она форма суждения, вечная и не зависящая от времени и пространства нравственность. Она лежит в основе поведения человека, человека вообще. В этом смысле вскрываются странности и даже реакционность этической теории Канта, характерные для буржуазной морали вообще. Ограниченность заключается в бессодержательности кантовских всеобщих законов нравственности и в стремлении подчинить их требованиям всеобщего развития. Говоря о реакционности, мы имеем в виду то, что под фирмой «всеобщей морали» у Канта выступает мораль реакционных классов Германии. В учении Канта о морали с нехотелой силой сказывается непоследовательность и бессомнительность консервативной идеалистической философии Канта.

Конкретной формой и существом нравственного сознания является, по Канту, нравственный долг, для которого характерна свобода или автономия воли. Из нравственного долга проистекает категорический императив (нравственный закон), да нравственен и безусловен. Он гласит: поступай всегда так, чтобы норма (принцип) твоего поведения могла стать общим законом, т. е. всеобщим и обязательной для всего общества, для всех людей нормой. Иначе говоря, кантовский категорический императив обязывает каждого поступать так, как бы он хотел, чтобы поступали все другие. Следовательно, Кант говорит о таком возможном общем законе, который ничего не заимствует от практики и от какой-либо внешней воли.

Категорический императив Канта чисто абстрактный и формальный характера. Он абстрактен потому, что изображается как единственно верный для всех времен и народов, для всех индивидов различных классов. Должно отметить и то, что кантовский категорический императив, выражающий политические и этические требования буржуазии и притом наиболее реакционной — немецкой буржуазии конца XVIII и начала XIX в., — представляется в теории как общепародный, общечеловеческий нравственный закон. А это значит, что кантовская абстракция — категорический императив — является не научной, а вздорной. Далее, категорический императив Канта формален. В самом деле, он не раскрывает внутреннего содержания должностования, в нем не дано каких-либо конкретных указаний в отношении поведения человека. Оказывается, всякий поступок моралец независимо от его содержания при условии, если человек исполняет категорический императив. Последний не допускает выбора поведения в том смысле, что всякое поведение, не продиктованное им, не согласующееся с ним, является безнравственным. Но, поскольку воля, по учению Канта, автономна, сама себя определяет в поведении, постольку возможны безнравственные поступки.

Из автономии воли, к которой обращается категорический императив, вытекают такие понятия, как свобода — способность начинать события само собой, — равенство и даже собственность. Из них же Кант выводит принцип, и силу которого человек — не орудие для достижения чужой или своей цели, а самоцель. Это основное и главное положение нравственной философии Канта. Оно весьма ярко показывает существо кантовского либерализма. Нравственный принцип, сформулированный Кантом, был заострен против старых политических идей и нравственных установок, вопреки которым человек может и должен быть принесен в жертву другому человеку. Возникновение нового нравственного принципа — идеи о самодовлеющей сущности человеческой личности, вышедшей отражением в учении Канта о морали — тесно связано с появлением и политическим развитием класса капиталистов. Этот принцип был воплощен в лозунге свободы, равенства и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 175—176.
² Г. Ф. Алексеевич, Историю западноевропейской философии, 1946, стр. 273—274.

братство, явившемся в столь ярком оперении в период французской буржуазной революции и пользовавшемся тогда широкой популярностью. Во Франции он служил вначале, когда буржуазия стремилась к установлению своего государственного руководства общенационально, а потом, когда буржуазия захватила государственную власть, превратив ее в комитет жандармов, целям завоевания диктатуры буржуазии, а потом, когда буржуазия захватила государственную власть, превратив ее в комитет жандармов общими делами всего класса капиталистов. — интеллигентно заведыванию общими делами всего класса капиталистов и государственного строя и капиталистического правопорядка. В Германии указанный нравственный принцип получил в теории Канта, а также Фихте и Гегеля крайне уродливое выражение и даже реакционное истолкование, что надо объяснить социальной отсталостью Германии конца XVIII и начала XIX в. и контрреволюционным характером господствовавших здесь классов.

Из нравственного долга вытекает не только категорический императив, дающий универсальную формулу неизменного безусловного разумного поведения, но и различные гипотетические императивы, допускающие возможность выбора действия или поведения. Эти предписания, по Канту, почти всегда нравственны. Человек может поступать так или иначе, причем и в первом и во втором случае его поступок не будет подлежать ни суждению, ни одобрению.

Наполнение категорического императива как общего закона конкретным содержанием, указавшем, как в том или ином частном случае человек, руководясь категорическим императивом, должен поступать, дает субъективный принцип действия — максима (практический закон). Кант различает нравственный долг и максима. Если принцип долга есть то, что субъекту приказывает разум без оговорок, тем самым объективно, то максима — субъективный принцип веления, который субъект делает правилом своего поведения. Принцип долга отвечает на вопрос, как субъект должен поступать, а максима, — как он хочет поступать. Максимумы — это такие практические принципы, которые содержат в себе общее определение воли (сумма практических правил) и являются субъективными, обязательными лишь для воли данного лица. Эти принципы, рассматриваемые как общеобязательные и объективные, являются императивами.

Кант различает два вида моральных законов: этические и юридические. Этические вменяют человеку известное действие в нравственную обязанность и превращают ее во внутреннюю побудительную причину. Что касается юридических законов, то они распространяются только на внешние действия и объективно приказывают людям, а не субъективно привлекают их. Совокупность максим или указаний, как человек должен поступать в том или ином конкретном случае, руководясь категорическим императивом, Кант называет правом. Он превращает право в некую объективную сущность, но считает ее непознаваемой. По Канту, человек познает лишь проявление права, а не самое право, которое якобы

находится по ту сторону явлений. Кант обосновывает метафизическое представление о праве, считая последнее стоящим над обществом, над государством, над человеком.

Право как внешнее бытие свободы регулирует и рассматривает только внешнее поведение человека. Судья и законодатель безразлично, почему человек исполняет тот или иной закон и почему он совершает неправомерные поступки. Следовательно, Кант проповедует крайний формализм. Право предоставляет человеку известную формальную свободу действий и одновременно ограничивает сферу его свободы в интересах свободы всех. Именно в этом усматривает Кант существо права. Он считает нормальным антагонизмом между формальной свободой и формальным равенством людей, с одной стороны, и неравенством людей в фактическом состоянии. В сфере буржуазных экономических отношений, основывающихся на эксплуатации, человек является средством накопления. В области права он должен быть, по Канту, не только средством, но и целью. Однако и в этой области Кант проводит буржуазную линию, понимая под человеком лишь активного гражданина (буржуа и вообще экономически состоятельного человека). В порядке вещей, говорит он, чтобы благополучие и благосостояние бедных зависело от воли богатых, чтобы первые повиновались, а вторые приказывали. Стало быть, свобода и равенство в праве граждан совместимы с экономической зависимостью и фактическим неравенством. Это понимание права было теоретическим обоснованием немецкого варианта буржуазного либерализма.

Кант разработал весьма несущественную систему права. Он различает право естественное, опирающееся на априорные, не зависящие от законодательства начала, и право положительное, исходящее от воли законодателя. Далее, он находит природное право, присущее человеку как разумному существу и состоящее в свободе¹, и приобретенное право, присвоенное человеком в результате общения с другими людьми и состоящее в частной собственности². Приобретенное право Кант делит на частное и публичное. Его учение о частном праве сводится к рассуждению о различии внешнего моего и внешнего твоего. Внешнее мое? Это значит — правовое господство или чисто правовая связь воли субъекта с известным предметом (не физическое владение). Если в естественном состоянии существует

¹ Природное право — это по Канту, свобода каждого человека, сочетаемая с общими законами свободы. Совместимость свободы, согласно общему закону, есть основной принцип права. Все остальные природные права (равенство, право быть господином, свобода слова и т. д.) включены в природное право. Природное право — единственная причина деятельности человека, свобода.

² По Канту, в догосударственном состоянии не было частной собственности. Присвоение земли и других предметов природой делалось правом собственности с того момента, когда государство начинает охранять частную собственность.

лишь физическое владение, то в обществе, говорит Кант, это владение превращается в правовое. В свою очередь частное право Кант различает по ряду признаков: по объекту (приобретение вещи, услуг, лица), по форме (вещное, личное и вещно-личное право)¹ и по основанию (приобретение одностороннее — *facto*, двустороннее — *re* и взаимное — *rege*). Что касается публичного права, то оно нуждается во всеобщем оповещении и органически связано с государством.

В естественном состоянии, говорит Кант, вещные, личные и вещно-личные права осуществляются в провизорной, временной, предварительной форме, и пользование ими весьма не обеспечено. Для того чтобы гарантировать каждому «свое», люди вступают путем договора² в государственное состояние. Только в этом состоянии частные права выявляются в постоянной, окончательной форме и носят принудительный характер.

Говоря о соотношении государства и права, Кант утверждает, что право имеет для государства определяющее значение. Государство создается для защиты права и в особенности права частной собственности. Кантовское государство — государство собственности. Оно есть объединение или соединение известного множества людей действием права. Оно обеспечивает торжество идеи права. Под правовым порядком он понимает строй, при котором каждый уверен в охране своей собственности против всяких насилий. Кант говорит о правовом государственном устройстве, как о проблеме для человеческого рода, к разрешению которой человечество принуждается якобы самая его природа.

Учение Канта о праве можно в известном смысле отнести к школе естественного права. Рассуждения Канта о естественном состоянии, о естественном праве и переходе в государственное состояние через общественный договор свидетельствуют об этом. Однако Кант притулил революционные элементы в школе естественного права XVII—XVIII вв. и открыл в своей теории государства и права ряд лазеек для явно компромиссных и реакционных выводов.

Учение Канта испытало на себе известное влияние теории разделения властей, сформулированной Локком и Монтескье. Каждое государство, по Канту, содержит в себе три власти: суверенитет, исполнительную власть и судебную власть. Суверенитет — законодательная власть. Законодательная власть непогрешима.

¹ К вещно-личным правам Кант относит брачное право и право господ по отношению к слугам.

² Кант не считал этот договор историческим фактом, изображая его лишь в качестве хариерио выведенного правового принципа. Этот договор не объясняет действительного происхождения государства, а дает лишь правовое обоснование государства. Он служит своего рода критерием при оценке эмпирического государственного устройства. Если последнее соответствует договору, оно правомерно. Такое истинное общественное устройство совместимо с признанием возможности вмешательства происхождения отдельных государств.

Исполнительная власть в лице правителя исключает сопротивление¹. Судебная власть в лице судьи безапелляционна.

Такова в общих чертах государственно-правовая концепция Канта, оказавшая огромное влияние на последующее развитие государственно-правовых учений. На нее до сих пор опираются взгляды демократии и культуры. Она послужила источником ряда крайних реакционных социально-политических взглядов.

Кант, как известно, проводит резкую грань между объективным содержанием познания и субъективными категориями мысли, в которых он видит лишь пустые «внешние формы», а не формы реального содержания, неразрывно связанного с ним. Этот взгляд он переносит и на нравственность, противопоставляя в теории нравственности механической причинности природы моральное должествование свободной человеческой деятельности. Неокантианцы (Риккерт, Макс Вебер и др.), опираясь на эту точку зрения Канта и отбрасывая прогрессивные естественно-научные идеи молодого, «докритического» Канта, доказывают, что метод познания человеческой целесообразной деятельности (и вообще общественной жизни) и метод познания естественных закономерностей бытия должны быть совершенно различными. Другая разновидность неокантианства (Г. Коппе, Р. Штаммлер и др.) разработала вопрос о форме, не зависящей от содержания. Штаммлер представляет себе свое право как голую форму, доступную для изолированной научной обработки, изучаемую вне связи с материальными условиями жизни общества. Право — «... внешнее регулирование социального хозяйства», т. е. совместной деятельности людей, направленной на удовлетворение их потребностей². Штаммлер считает, что «правовой и хозяйственный строй... суть одно и то же»³. Он совершенно не понимает и самым грубым образом извращает марксово учение о базисе и надстройке, говоря, что термины «базис» и «надстройка» суть всего навсего образные выражения, ибо в действительности они выражают один и тот же объект. Следовательно, Штаммлер явно не понимает действительной связи между экономикой и правом. Право для него — содержание отношений между людьми, а экономика — форма этих отношений. Нельзя, говорит он, мыслить экономические отношения и вне права; что же касается права, то оно мыслимо вне связи с экономикой. Определяя общество, как внешним образом упорядоченную совместную жизнь людей, Штаммлер видит основу общества в праве. Развитие права и есть для него развитие общества. Право регулирует совместное существование людей. Если бы, говорит Штаммлер, не было права, то не было бы и общества.

¹ Не повиновавшиеся закону и распорядившиеся исполнительная власть наказываются как правонарушители и преступники. Кант говорит, что преступнику надо платить наказанием столько страданий, сколько он нанес вреда государству (*ius talionis*).

² Р. Штаммлер, *Хозяйство и право*, стр. 142.

³ Там же, стр. 175.

Позиция Штаммлера настолько идеалистична, что это прямо бросается в глаза, и нет надобности в пространном критическом рассмотрении ее. Обе разновидности неокантианства готовят почву для нормативизма, ибо они сводят общественное содержание к юридическим формам и подменяют причинное познание общественной жизни «смысловым» или «ценностным» ее истолкованием¹. Нормативизм — высшая степень формального рассмотрения права, так называемое чистое учение о нем — исходит из того, что юридическая наука должна иметь не только свой собственный объект исследования, но и свой особый метод. Для нормативистов характерно то, что они всю теорию права строят в соответствии с высшей (суверенной) юридической нормой, как постулатом и фикцией, предположенной, как именно высшая норма. С их точки зрения, задача теории состоит в том, чтобы в каждом данном правовом явлении вскрывать ее соответствие высшей норме.

Суверенная норма — объективный правовой порядок. Что лежит в основе этой нормы — суверенное право само по себе или суверенное государство? Значительная часть сторонников нормативизма говорит о суверенитете права и считает ошибочной идею народного суверенитета. Кельзен изображает государство как единство внутреннего смысла всех правовых положений. Оно не отличается от правового порядка; оно персонификация (олицетворение) его. Кельзен, следовательно, отождествляет государство с правовым порядком. Государство — юридическое лицо и как таковое включается в объективный правовой порядок. Но оно юридическое лицо лишь по отношению к людям, как выявителям всего совокупного общественного поведения. Но оно не субъект права по отношению к тем же людям, выступающим в качестве субъектов права; в этом случае государство — община комплекс норм или абстрактный закон, высшее понятие в смысле нормативного господства.

Все сказанное выше приводит нас к следующим выводам. Юридический нормативизм, с методологической точки зрения представляющий собою одну из форм неокантианства, понимает право как норму, определяющую должное как нечто логическое, как область чистого долженствования, противостоящую миру сущего и независимую от него. Он исходит из неправильного, идеалистического представления о норме права, как о чем-то замкнутом в себе и объясняемом из самого себя. Наконец, юридический нормативизм не видит в праве воли господствующего в обществе класса и в государстве машину классового господства, изображая государство как персонификацию абстрактного правопорядка.

Нетрудно заметить, что юридический нормативизм есть один из весьма убогих вариантов юридического мировоззрения, о кото-

¹ Наиболее крупный представитель этого направления в буржуазном праве — Ганс Кельзен противопоставляет детерминизму, царствующему в естественной науке, привилегию нормативности (моральному закону), специфическому общест-

ром говорилось выше. Особенность нормативизма заключается в том, что он выражает интересы класса капиталистов в период, когда он одряхлел и боится, как огня, реальной действительности, собственного класса. Отсюда стремление нормативистов воздвигнуть якобы чистого долженствования, между сущим и должным.

Некоторые утверждения Канта были использованы в учении Фихте и Гегеля.

Центральным пунктом учения Иоганна Готлиба Фихте (1762—1814), философа, субъективного идеалиста, является понятие Я. Он начинает свою философию с Я. В этом его глубокая, коренная ошибка. Я — мыслящая субстанция. Каково соотношение между Я и не Я? Сознание есть познаваемое бытие, а бытие — бытие для сознания и в сознании. Все многообразие форм действительности Фихте выводит из духовного начала, считая все существующее последовательными формами развивающегося сознания. То, что Кант называл «вещью в себе», является, по Фихте, явлением, а то, что является нашему уму, есть не только явление, но и проявление «вещи в себе». Выходит, что предметом сознания является деятельность нашей собственной мысли. Субъект и объект образуют на базе субъекта первоначальное единство познаваемого и познающего.

Фихте считает, что он преодолевает дуализм Канта тем, что рассматривает Я и не Я, как единство: то, что находится за пределами Я, является ипобытием Я, проекцией моего собственного Я. Если Кант считает рассудок человека законодателем природы, то Фихте идет еще дальше, изображая рассудок не только законодателем природы, но и творцом всего внешнего мира. Таким образом, Фихте чудовищно возвеличил Я, пошел по линии противостоительной субъективизации мира — природы и общества. У Фихте, как отмечал Ленин, нет объективного движения, ибо он начинает философию с Я¹.

Ленин писал: «Фихте тоже воображает, будто он «неразрывно» связал «я» и «среду», сознание и вещь, будто он «решил» вопрос ссылкой на то, что человек не может выскокить из самого себя. Иной ссылкой на то, что человек не может выскокить из самого себя. Иные словами, повторен довод Беркли: я ощущаю только свои ощущения, я не имею права предполагать «объекты сами по себе» вне моего ощущения. Различные способы выражений Беркли в 1710 году, Фихте в 1801, Авенариуса в 1892—4 г.г. несколько не меняют существа дела, т.е. основной философской линии субъективного идеализма². Фихте стремится связать свою философию самосознания и волюнтаризма³ с «деятельностью», под которой он понимает

¹ В. И. Ленин, философские тетради, стр. 104.

² В. И. Ленин, Соч., т. XIII, стр. 56.

³ Волюнтаризм — идеалистическая реакционная теория, согласно которой основой всего сущего является воля.

лишь деятельность морального сознания, т. е. действие, имеющее целью осуществление велений нравственного закона. Все виды деятельности Фихте сводил к теоретической деятельности. Главная задача философии — выяснение возможности существования человеческой свободы, которую философ отождествляет с свободой самосознания. В связи с этим он обращает основное внимание на вопросы обоснования морали¹, права² и государственного строя.

В сфере теории морали, права и государства центральное место занимает понятие свободы, которое Фихте выводит из этики. Стержень этики — противоречие необходимости и свободы. По Фихте, детерминирована не только физическая сторона человеческого существа, но и деятельность, развитие его сознания и мышления. Истинно свободным является такой принцип жизни, при котором человек приносит свою личную жизнь в жертву коллективу. В этом случае поведение человека определяется идеей, находящейся в развитии. Вначале она проявляется как эстетическая, потом как мировая социальная идея (в частности она источник правового порядка), далее, как научная и, наконец, как религиозная идея. Подлинно свободной определяющей поведение человека идея есть единая и ясная мысль, не побуждающая к деятельности в чувственном (физическом) мире и представляющая лишь истинное умоизображение. Это свобода во внутренней сфере человека или чисто внутренняя свобода умоизображения. С этой свободой имеет дело этика. По отношению к этической свободе всякая система государственных учреждений может быть лишь принудительной. Право, регулирующее внешние отношения между людьми, резко отличается от нравственности, регулирующей свободу во внутренней сфере человека.

Нравственностью Фихте называет стремление Я к деятельности ради деятельности. Сознывая в себе это стремление, Я полагает себя свободным (разум сам определяет свою деятельность, в этом состоит нравственная свобода). Нравственный закон свободен всегда и для всех равно обязателен. Поскольку каждый человек только между людьми является таковым, он в целях возможности общения между людьми должен поставить себе законом (категорическим императивом) ограничение своей свободы свободой всех других. Фихте следующим образом формулирует этот закон: поступай так, чтобы твоя максима могла быть мыслима как вечный закон для тебя (у Канта, как мы отмечали, — для всех). Из необходимости такого ограничения возникают юридические отношения (*Rechtsverhältnisse*) и право. Точные границы этого ограничения определяются взаимным соглашением, гарантия которого

¹ Проблемы морали Фихте развиты в особом последующем *Das system Sittenlehre nach den Prinzipien der Wissenschaftslehre*.
² Смотрите его сочинения: *Das System der Rechtslehre; Grund-lege des Naturrechts nach Prinzipien der Wissenschaftslehre*.

добровольное подчинение каждого установленному в обществе закону. Что касается добровольного подчинения, то оно предполагает особый договор о гражданском общении. В качестве необходимого условия общения является ограничение свободы каждого свободой других. Но для того чтобы это условие соблюдалось, создается положительное право и учреждается государство.

Под правом Фихте понимал договор разумных существ. Выведенная из разума, право является естественным регулятором человеческих действий, разграничивающим сферу свободы каждого человека. Такова в общих чертах политическая и социальная теория Фихте, разработанная в рамках и на основе его действительного этического субъективного идеализма. Она порочна в самой своей основе, в системе субъективного идеализма. Следует заметить, что, начиная с 1801 г., в воззрениях Фихте получают преобладания мистические, религиозно-нравственные черты, которые и были использованы фашистскими «теоретиками» для обоснования и оправдания империалистической политики. В области политической Фихте стоял на уровне тупого прусского либерализма, что видно из того, что его призывы к свободе сознания личности и ее самостоятельности не выходили за пределы реакционного монархического режима Пруссии. Говоря о народах и государствах, Фихте выступает в качестве проповедника прусского национализма, сторонника монархического реакционного авторитарного государства, отбрасывающего последние остатки своего либерализма. Неудивительно, что гитлеровские «философы» признали Фихте основателем национал-социалистического мировоззрения.

Теория Фихте оказала большое влияние на последующее развитие немецкого идеализма. В частности, его учение о развитии сознания, о свободе как об основанном на познании необходимости добровольном подчинении этой необходимости, о соотношении нравственности и права оказало значительное влияние на государственно-правовую теорию Гегеля.

Гегелевская философия права — составная часть его универсальной системы объективного идеализма. Естественно, что только в связи с этой системой надо критиковать гегелевскую конструкцию права.

Философская система Гегеля, изображающая действительность в виде процесса мышления и стремящаяся включить в себя все отрасли познания, строится на принципе триады (тезис, антитезис и синтез) и состоит из логики, т. е. учения о всеобщих законах движения и развития, философии природы, изображающей в идеалистической форме картину развития мира, и философии духа, изображающей под видом истории духа историю челове-

¹ Под обществом Фихте понимает отношения разумных существ друг к другу, основанное на договоре. Основным стремлением человека он считает общественное стремление.

ностью Гегель понимает и собственность в ее посредственных формах, т. е. собственность, как договорное отношение, и собственность, как право в его нарушении, как преступление и как наказание за нарушение прав. Таким образом, свободную волю Гегель называет лицом, «... т. е. субъектом, который свободен, свободен именно для себя и который дает себе наличное бытие в вещах». Простейшим правовым отношением личной воли к «природе», абсолютное — абсолютное отношение личностной воли к «природе», абсолютное право человека на присвоение всех вещей. Но, как указывал Маркс, «... никакого владения, которые суть гораздо более отношения господства и подчинения, которые суть гораздо более конкретные отношения... Можно представить себе владениям сданным дворян. Но тогда владение не есть правоотношение»¹.

Все учение Гегеля об абстрактном праве сводится к обоснованию частной собственности в ее капиталистических формах. Следовательно, для Гегеля характерен тот индивидуализм, который составляет особенность буржуазных учений о праве. Об этом говорит и то, что он частную собственность считал первым видом свободы.

В наказании абстрактное право путем отрицания своего отрицания переходит быть простой возможностью прав личности веляющей обязанности их осуществления и становится действительным и действующим. Наказание и угроза наказанием заставляют личность подвергать свои поступки суду собственной совести. Воля обращается к себе. Происходит переход от абстрактного права к праву субъективной воли. Так возникает сфера морали. Здесь я свободен не только в непосредственной воле, но также и в себе самом, в субъективной области. Здесь господствует объективное сознание долга как абсолютного требования. Здесь важны мой усмотрения и намерения, моя цель, тогда как внешнее поддается чем-то безразличным.

Если идея свободной воли в области абстрактного права выступала в форме внешнего наличного бытия, то в сфере морали она определяется в качестве субъективной единичности в противоположении всеобщему. Следовательно, в сфере морали есть некоторая противоположность. Здесь я предстаю как единичная воля, а добро есть нечто всеобщее, хотя и находящееся во мне самом. Другими словами, в сфере морали воля имеет в самой себе различие между единичностью и всеобщностью и, стало быть, она определяется. Переход от абстрактного права к морали (праву субъективной воли) Гегель совершает через указание на необходимость осуждения преступником справедливости наказания.

В морали нет места государственному принуждению. Категорически морали являются умысел и вина, намерение и благо, добро и зло, совесть. Решающее слово в определении того, что должно *

что запрещено, что добро и что зло, принадлежит в сфере морали самому субъекту, его совести. Но совесть никогда не гарантирует от ошибок. Поэтому она не является последней инстанцией, определяющей, что следует считать должным или запрещенным, добром или злом. Окончательное решение этого вопроса принадлежит, говорит Гегель, нравственности, вод которой он понимает общественный порядок. Гегель существенно различает мораль (и Мораль) и нравственность (die Ethik). Если под моралью он понимает сферу субъективной воли, то под нравственностью — объективную совокупность экономических, политических и правовых отношений.

Нравственность — третья ступень в развитии воли. Она единство и истина воли непосредственной и воли, определившейся в качестве субъективной единичности в противоположность всеобщему, единство и истина обоих абстрактных моментов формального права и морали. Она, по Гегелю, «... единство воли и ее понятия и воли индивидуума, т. е. воли субъекта». В области нравственности воля — «мыслимая идея добра, реализованная в рефлексированной и себе воли и во внешнем мире, так что свобода как субстанция существует и как действительность и необходимость и как субъективная воля»¹.

В нравственности дан синтез абстрактного права и морали обеих сторон проявления свободной воли (внешней во отношении к вещам и внутренней — субъективного сознания долга), свободы и необходимости. Здесь субъективная свободная воля сливается с общей разумной волей.

Нравственность развивается. Ступени ее развития и ее формы: 1) семья — непосредственный союз, основанный на чувстве взаимной любви и на частной собственности (субъективный дух, природное наличное бытие); 2) гражданское общество — совокупность семей (переход субъективного духа из сферы частных интересов в сферу общих интересов) и 3) государство — синтез противоположности между частными и общими интересами (сфера всеобщих интересов, превращение человека в гражданина).

Значение гражданского общества Гегель видит в том, что оно охраняет (через суд и полицию) частную собственность. Признаниями охраняются (с одной стороны, конкретная личность, не могущая достигнуть своих целей без связи с другими такими же конкретными лицами, а с другой, — закономерность потребностей и интересов гражданских обществ). Гегель учит, что «в гражданском обществе каждый для себя — цель. Все другие суть для него ничто»². И дальше: «... в зависимости от взаимности труда и удовлетворения потребностей субъективное себялюбие превращается в содействие удовлетворению потребности всех других... так что, когда каждый сам для себя приобретает, производит и потребляет, он вместе с тем именно приобретает, производит для потре-

¹ Гегель, Соч., т. VII, стр. 58 и 59.

² Там же, стр. 211.

¹ Гегель изображает преступника как бесконечное отрицательное суждение, в наказании — как позитивное за преступление (отрицание отрицания).
² Гегель, Соч., т. VII, стр. 59.
³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 192.

большая дружба¹. Гегель отстаивает и оправдывает неравенство людей, считая его стихией гражданского общества. Оно возникает, говорит он, с естественной необходимостью из неравенства природных дарований и неодинакового труда. Равенство имущества было бы, по Гегелю, несправедливостью.

Что касается государства, то оно изображается Гегелем как святое гражданское общество. В гегелевской философии оно стоит над гражданским обществом. Оно выше природы, потому что здесь дух получает действительность лишь как иной, чем он сам, тогда как в государстве дух реализуется свободно. Вот почему люди должны, по Гегелю, «почитать государство как некое земно-божественное существо...». Философ изображает существование государства, как «...шестье бога в мире»². Что же такое государство? Оно нравственный организм, действительность нравственной идеи или конкретной свободы.

Гегель различал три формы государства — республику как олицетворение множества воли, неограниченную монархию как олицетворение индивидуальной воли и ограниченную монархию как синтез, как высшее единство первых двух воли, изобразив прусскую реакционную монархию венцом исторического развития человечества.

Гегель берет у Монтескье теорию разделения властей, внося в нее ряд изменений. У Гегеля законодательная власть, издает общие законы, а исполнительная (в том числе и суд) — частные законы. Что касается королевской власти, то она высшая власть (синтез первых двух властей). Такой взгляд на разделение властей логически вытекает из гегелевского определения государства как единства общего, всеобщего, единичного и как системы посредствующих и примиряющих.

Гегель, с пренебрежением относясь к гражданскому обществу, ставит государство превыше всего. А между тем именно в гражданском обществе «...следует искать ключ к пониманию процесса исторического развития человечества»³.

Гегель совершенно неправильно изобразил соотношение между гражданским обществом и государством. В научном исследовании, говорит он, государство является завершением всех предыдущих ступеней развития нравственности — семьи и гражданского общества. В действительности же оно оказывается подлинным основанием семьи и гражданского общества. Лишь в пределах государства семья развивается в гражданское общество⁴. Самая идея

¹ Гегель, Соч., т. VII, стр. 212.

² Там же, стр. 268 и 294.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 317.

⁴ «Гражданское общество, — пишет Гегель, — есть разъединение, которое познается в средстве между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества исходит позднее, чем развитие государства, так как в качестве развития оно предполагает наличие государства, которое оно должно иметь перед собой, как нечто самостоятельное, чтобы существовать» (Соч., т. VII, стр. 151—162).

государства раздвигается на семью и на гражданское общество. Если в семье индивид упразднил свою непокорную личность, соединившись в особое субстанциальное единство, а в гражданском обществе члены его относятся друг к другу как самостоятельные лица, объединенные лишь узлами взаимной нужды, то в государстве имеет место соединение индивидуального и всеобщего.

Гегель узко понимает гражданское общество. Для него оно — только буржуазное общество. Конечно, гражданское общество, как совокупность промышленной и торговой жизни «развивается только вместе с буржуазией»¹. Следовательно, оно буржуазное. Однако именем гражданского общества обозначается всякая форма общества, обусловленная определенным уровнем развития производительных сил. В этом смысле «гражданское общество обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил»². Но государство, как говорит Гегель, а гражданское общество, как учит марксизм, является базисом государства (а права, и нравственности, и всей вообще надстройки). Гражданское общество шире нации и не совпадает с государством. В рамках каждого данного гражданского общества могут жить многочисленные народы и нации и функционировать государства различных стран. Но «...оно должно выступать во-вне в виде национальности и строиться внутри в виде государства»³.

Ставя государство над гражданским обществом, Гегель имел в виду доказать внеклассовый и внесловесный характер современного ему государства. Но это ему не удалось, и он вынужден признать свободную (т. е. капиталистическую) собственность основным условием блеска этого государства.

Чем можно объяснить такое преклонение перед государством? Во-первых, идеализмом Гегеля. Такой гнесологический корень ошибки. Но есть и социальные мотивы в этой переоценке государства, лежащие в экономической отсталости и политической раздробленности Германии.

Маркс писал: «Только политический предрассудок способен еще в наше время воображать, что государство скрепляет гражданскую жизнь, между тем как, наоборот, гражданская жизнь скрепляет государство»⁴.

Из того, что сказано выше, следует, что Гегель под правом понимает не только абстрактное право и мораль, но и нравственность.

«Каждая ступень развития идеи свободы обладает свойственным ей особым правом, так как она есть живое бытие свободы в одном из ее определений... Мораль, нравственность, государственные интересы представляют собою, каждая и каждый в отдель-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 27.

² Там же, стр. 26—27.

³ Там же, стр. 27.

⁴ Там же, т. III, стр. 149.

ности, особое право, так как каждая из этих форм есть определенная наличное бытие свободы. В сголкн о в е н н е они могут приходить между собой лишь постольку, поскольку они находятся на одной линии, поскольку каждая из них есть одинаковое право. Если бы моральная точка зрения духа не была также правом, свободой и одной из ее форм, то она никак не могла бы приходить в столкновение с правом личности или с каким-либо другим правом, потому что такое право содержит в себе понятие свободы, высшее определение духа, против которого все другое есть нечто, лишенное субъективности. Но в этих коллизиях заключается вместе с тем и стационарность. Но в этих коллизиях заключается вместе с тем и другой момент, а именно тот, что все формы права ограничены и следовательно, подчинены друг другу: лишь право мирового духа — абстрактное право, мораль, нравственность и право мирового духа. Это исключительным по своему масштабу юридизация всемирной истории человечества.

Гегель считает, что история человечества — это процесс развития сознания, осуществляемый через правовое развитие. Сопрепятственно очевидны чисто идеалистическое понимание содержания исторического процесса и его закономерностей и буржуазно-юридический подход к вопросам истории.

Для гегелевской философии характерно противоречие между идеалистическим диалектическим методом и догматической идеалистической системой, отличающейся консервативностью.

Гегель стремился построить такую философскую систему, которая выражала бы абсолютную истину. Он считал свою философскую систему полным познанием абсолютной идеи. С этой точки зрения дальнейшее развитие познания действительности, новые научные открытия совершенно исключены. А это, несомненно, скланивает, консервирует науку. К тому же гегелевская абсолютная идея не призвана предъявлять своим современникам слишком широкие политические требования. По Гегелю, она, как отмечает Энгельс, «...должна осуществиться в той, ограниченной средою представительства, монархии, которую Фридрих-Вильгельм III так упорно и так наивно обещал своим подданным, т. е., стало быть, в ограниченной и умеренном, косвенном господстве имущих классов, приспособленном к тогдашним мелкобуржуазным отношениям Германии». В своем основном труде, посвященном государству и праву, — в «Философии права» Гегель умоглядным путем пытается доказать необходимость дворянства в то время, когда оно уже стало реакционной общественной силой.

Гегель, не сумевший распространить исторический взгляд на природу, тем более не был последовательным в области общественной жизни. Об этом говорит то, что он считал современным ему монархически-реакционный, развивающийся в самой уродливой

форме государственный строй в Германии конечным результатом исторического развития, изображая пруссакую монархию как воплощение абсолютного духа.

Идеалистическая диалектика Гегеля диаметрально противоположна материалистической диалектике Маркса, являющейся единственно научной. Вот как об этом говорит Маркс в предисловии ко второму изданию своего «Капитала»: «Мой диалектический метод не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург (творец, создатель) действительного, которое представляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». Далее, Маркс пишет, что он мистифицирующую сторону гегелевской диалектики подверг критическому исследованию уже в ту пору, когда она была еще в моде. «У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно». Задача эта была решена той всесторонней и глубокой научной критикой, которую дал Маркс гегелевской диалектике. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин развили диалектику, поднив ее на огромную высоту.

Материалистическая диалектика Маркса богаче, содержательней, несравненно революционнее и критичнее, чем идеалистическая диалектика Гегеля. Маркс взял из гегелевской диалектики лишь ее рациональное зерно (идею развития), отбросив идеалистическую шелуху и развил диалектику дальше. Он придал ей современный, истинно научный вид. И в этом виде диалектика стала важнейшим моментом нового, пролетарского мировоззрения. У Гегеля развитие относится только к прошлому, оно лишь в прошлом. Как только Гегель доходит до объяснения своей эпохи, современного ему общественного и государственного строя и общественного сознания, он изменяет диалектическому методу и превращается в закоренелого метафизика, считая исчерпанными все возможности по улучшению действительности и стремясь уравновесить противоположности, свойственные современному ему общественному строю. Маркс и Энгельс резко критиковали гегелевскую диалектику за то, что она примиряет в жизни непримиримое — противоположности. У Гегеля, писал Маркс, «...мысль, противоположаясь самой себе, разделяется на две мысли, противоречащие одна другой, — на положение и отрицание, на да и нет. Борьба этих двух заключающихся в антитезе противоположных элементов образует диалектическое движение. Да превращается в нет, нет превращается в да, да становится одновременно и да и нет, нет становится и нет и да. Таким путем противоположности взаимно уравновешиваются, нейтрализуются и парализуются. Слияние этих

¹ Гегель, Соч., т. VII, стр. 54—55.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 633.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 20.

